

МАРИНА ИНДИВИ



КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ДРАКОНОВА АКАДЕМИЯ

ТОМ 1

18+

Марина Индиви

Драконова Академия.

Книга 4. Том 1

<https://litres.ru/74493194>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я больше не персона нон грата, но пробудившаяся темная магия в любую минуту может взять надо мной верх. Сейчас как никогда важно контролировать каждый свой шаг и свои чувства. Как это сделать, спрашивается, если Люциан Драгон решил сделать меня своей любой ценой, и если об этом узнает Валентайн Альгор, случится катастрофа? Учиться, учиться и только учиться, потому что только так я могу узнать о магии все, и справиться с ней. Драконова Академия!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	26
Глава 3	39
Глава 4	54
Глава 5	66
Глава 6	80
Глава 7	91
Глава 8	110
Глава 9	122
Конец ознакомительного фрагмента.	123

**Марина Индиви
Драконова Академия.
Книга 4. Том 1**

Пролог

Керуан Четвертый

— Он всерьез считает, что мне нужна его помощь. Помощь темного! — Голос дракона «переводил» камень, но Керуан все равно чувствовал себя крохотным и ничтожным. Так было всегда: драконы всегда смотрели на них, на людей, свысока. Даже на тех, кто обладал магией. Даже когда он был Верховным архимагом не только по рангу, но и по сути своей.

Драконы признали людей равными для того, чтобы те успокоились. Но они никогда не признают их равными на самом деле, и сейчас это ощущалось буквально во всем. По крайней мере, та сила и власть, что исходила от Фергана, была подавляющей. Она давила на плечи: несмотря на то, что он сидел за столом в малом зале для бесед с тэрн-архом.

Малом, ха. Да тут дракон мог поместиться. Буквально. Высокие своды, мощь вековых каменных стен, из человеческого — жалкие кресла для совета архимагов и стол, знак того, что Ферган признает власть людей. Уважает. Позволяет сидеть в своем присутствии. Все это такая же фальшивка, как и его драконье признание. Как свадьба, которая недавно состоялась: первый смешанный брак, об этом трубили все.

Сезар Драгон и София Драконова.

Писали, что этот брак окончательно подвел черту под рав-

ноправием людей и драконов, раз сам старший сын Фергана взял в жены обычную девушку. Пусть сильную магессу, да, но что с того? Что до свадьбы, что после было объявлено «вольное многодневье» — это означало, что никто не работает, все отдыхают, веселятся и празднуют.

Еще раз ха.

Все это было сделано с целью в очередной раз продемонстрировать лояльность Фергана простому люду, именно что люду. Потому что драконы никогда простыми не были. Все они аристократия просто по праву рождения, а ты, будь ты даже трижды рожден с сильной магией, в именитой семье, обязан с самого детства бесконечно доказывать всем, что ты достоин. Вот как сейчас.

Достойн сидеть перед ним в этом кресле, мягком, с насыщенно-синей обивкой, в таком же насыщенно-синем зале, где весь интерьер подчеркивает величие семьи тэрн-арха. Которому сейчас ой как нужна поддержка! Пока он без официального наследника, по Даррании уже ходят забавные разговоры. О том, что род Драгонов, возможно, скоро сменит династия Анадоррских. В отличие от Фергана, у Белавуарда Анадоррского подрастает нормальный наследник. Такое звучало даже в человеческих семьях, не говоря уже о том, что творилось в драконьих, и Ферган, зная это все, продолжал пыжиться.

Пыжился изо всех сил.

А все из-за Валентайна Альгора!

Потому что несмотря на то, что он только что сказал, его он боялся куда больше, чем отца несостоявшейся невесты обоих своих сыновей. Потому что темный набирал силу, и все они почувствовали это в последнее время. Что-то произошло с ним не так давно, что-то, подкинувшее его мощь до невиданных высот. Сравнимых с мощью Фергана и грозящих вот-вот перерасти ее.

Керуан это отлично чувствовал: раньше, когда он стоял рядом с Альгором, у него не начинала кружиться голова. Хотя тот отлично владел собой, темная магия, источником которой он являлся, ощущалась даже на физическом уровне. Если мощь Фергана подавляла, то мощь Альгора была как неукротимая стихия. С теми же чувствами можно было стоять перед надвигающимся ураганом и знать, что спустя миг он просто подкинет тебя в воздух, переломает. Сотрет в пыль.

Поэтому Фергану нужна была его помощь. А Керуану нужно было сотрудничество с ним. С тем, кто пока еще у власти, и, судя по всему, готов на все, чтобы это так и осталось.

— Разве это не так на самом деле? — уточнил Верховный архимаг, стараясь смотреть тэрн-арху не в глаза, а в переносицу. Так меньше чувствовалась клубящаяся в драконе магия. — Мы все знаем, что Валентайн Альгор — наш первый рубеж при нападении Адергайна...

— В принципе, верно, — если бы камень мог усмехаться,

наверное, сейчас Керуан услышал бы смешок, — но не совсем. Он зачем-то нужен своему отцу. Полагаю, для чего-то очень важного. И, пока Валентайн Альгор на нашей с вами стороне, раньше мы имели определенное преимущество. Хотя бы в том плане, что при попытке завладеть Дарранией, мы могли бы уничтожить его бесценного наследника.

На такое заявление Керуан не сразу нашелся, что ответить. Он полагал, что у мотивов тэрн-арха в отношении Альгора двойное дно, но о таком даже не задумывался. Был слишком наивен? Или слишком прост? Не потому ли Ферган до сих пор поддерживал его правление? Потому что он был слишком удобной туповатой марионеткой?

Керуан пришел к власти уже в достаточно ощутимом возрасте, но сейчас почувствовал себя малолеткой, которого пнули под зад.

— Как бы там ни было, в связи с тем, что происходит сейчас, Валентайн Альгор становится больше обузой, чем страховкой.

— Но ваш сын, — напомнил Керуан осторожно. — Что будет с ним?

— А что с ним будет? — Из ноздрей дракона вырвался пар, верный признак раздражения.

— Ему по-прежнему нужен контроль над второй половиной его магии...

— Мой сын теперь сам по себе. Скоро я отправлю его руководить гарнизоном на границе с землями Адергайна. Се-

зар давно уже не мальчик, ответственность за его магию и за его жизнь теперь исключительно на нем. Равно как и за жизнь его супруги.

Неугодного бывшего наследника — с глаз долой, и ведь причина найдется. У Керуана не было сыновей, да и дочерей тоже. Бастарды, которых он в глаза не видел, возможно, но они не в счет. Если Ферган так распоряжается жизнью собственного сына, что он планирует сделать с Альгором?

— Альгора нам тоже нужно убрать, и как можно быстрее. После истории с Лэйтором народ, который, по-хорошему, должен был возненавидеть его еще сильнее, теперь смотрит на него с обожанием. Как на единственную защиту от того зла, что может прийти на земли Даррании. Хотя защитой всегда были мы с вами. Не так ли, Керуан?

Дракон моргнул, и архимаг моргнул вместе с ним, так же медленно, в ритме тяжелых кожистых век приподняв и опустив свои, словно подчиняясь какому-то странному ментальному воздействию.

И да, когда обнаружили тело Лэйтора, изувеченное темной магией, Даррания просто загудела, как потревоженное гнездо бьяниглов. Эти насекомые, обладающий на первый взгляд невиданной красотой и хрупкостью, обладали еще и смертоносными жалами в тонких невесомых телах. Один укус — и что дракон, что человек, мертв. К счастью, обитали эти твари исключительно в Темных землях. К несчастью, скрыть обстоятельства гибели Лэйтора не удалось. Его

нашли полуразложившимся, со следами тлена на теле, с застрявшими в лохмотьях и плоти зубами мерзких монстров, тоже обитающих исключительно по ту сторону границы. Нашли посреди кипящего жизнью вечера, и все полетело по городу раньше, чем кто-то успел вздохнуть и перекрыть этот источник. От прогуливающихся прохожих, рядом с которыми открылся портал — к их родным, близким, друзьям, от тех — дальше по знакомым, и все быстрее, быстрее, быстрее, как нарастающий снежный ком, летящий с горы.

К утру на Алой площади уже собралась толпа, которой надо было что-то объяснять.

К еще большему несчастью, он не мог сказать правду. Потому что Лэйтора Альгору отдал он сам, и отдал как откуп за эту проклятую непонятную девчонку, с которой все началось.

Поэтому об этом придется молчать. О том, что причиной смерти Лэйтора стал тот, кого все раньше пусть за глаза опасались, сейчас же открыто превозносят.

— Именно так, — подтвердил он, выдерживая взгляд Фергана, и вздохнул.

Как будто один глубокий выдох мог вытолкнуть все то напряжение, что овладело им за последнее время.

— В таком случае, полагаю, наше сотрудничество будет еще более плодотворным.

Если бы драконы могли улыбаться, этот бы сейчас улыбнулся. Увы, Керуан как никто другой понимал, что Фергану

отчаянно нужен тот, кем можно прикрыть свой... гм, хвост, если что-то пойдет не так. С другой стороны, и он не мог перестать об этом думать, Валентайн Альгор гораздо большая угроза. Потому что если все пойдет так, как сейчас, через два-три месяца у Даррании будет новый Верховный архимаг. Темный.

Что, вне всяких сомнений, в его планы не входит.

— Нам нужно, чтобы Валентайн Альгор всего один раз оступился, — погладив подлокотники, Керуан сжал и расслабил на них пальцы, — и я знаю, что может этому поспособствовать. А, точнее, кто.

Дракон врезался в него взглядом.

— Ленор Ларо, — произнес архимаг.

— Эта девчонка! — Голос из камня вырвался с шипением, потому что дракон выдохнул облачко пара. Показалось, что он разозлился? — У темных не бывает слабостей, Керуан. У них бывают постельные игрушки.

— Даже если это так, — уклончиво произнес Керуан. — Я смею предположить, что если у темного отобрать игрушку, доволен он тоже не будет. Нам просто нужно подобрать правильные рычаги и выбрать наилучшее время.

Сейчас совесть его уже не мучила.

Спасение жизни осталось в прошлом, а вот кресло Верховного — это более чем настоящее. Кресло, которое нельзя отдавать темному, и Ферган тоже прекрасно это понимает. Потому как сначала Альгор может стать Верховным архима-

гом, ну а потом... потом и до тэрн-арха недалеко.

— Ты уверен? — отрывисто спросил дракон.

Уверен ли он? Он видел Альгора после того, как девчонку забрал Лэйтор. Он с ним говорил. Над постельными игрушками так не трясутся.

И уж тем более ради них не убивают.

— Уверен, — архимаг склонил голову. — Уверен, как никогда и ни в чем.

Глава 1

За некоторое время до этого

Лена

— Лена. Лен, — разбудивший меня голос был теплым, как солнечные лучи на моем лице, и я потянулась за ним. Потянулась к нему сквозь сон, как за удивительно теплой лаской, лаской он и продлился. Легким скольжением пальцев по щеке, губами на губах...

Что?!

Пару мгновений, распахнув глаза, я пребывала в шоке. В таком глубоком шоке, когда ни двигаться, ни дышать, ни говорить не можешь, потому что целовал меня Люциан Драгон. В свое время я вот так же проснулась в своем мире с Земсковым. После его дня рождения. Кто-то из его друзей решил пошутить (сейчас уже не удивлюсь, что с его подачи) и ливанул мне в крепкий кофе кое-чего еще покрепче. Я не заметила, потому что кофе был действительно крепким, а после было как в том приколе: «Как же тебя развезло-о-о-о, о! Мою невесту!» В итоге Земсков не нашел ничего лучше, кроме как меня раздеть и уложить спатеньки в свою кровать. Рядом он лечь, конечно, тоже не постеснялся. Первым моим вопросом, когда я открыла глаза, было: «Ты совсем сдурел?!» — и именно после той истории наши отношения пошли по... ну в общем, начали разваливаться. Я стала для

него «слишком сложная», и все такое.

В общем, просыпаться рядом с голыми парнями — это, по ходу, моя фишка. Но Земсков хотя бы был на тот момент моим парнем, а этот...

— Ты совсем ополоумел?! — взвыла я, упираясь в драгоновскую широкую грудь и толкая его с такой силой, что он опрокинулся на кровать.

Не ожидал, короче. Я же подтянула одеяло до подбородка, потом заглянула под него и чудом удержалась от позорного вопля. Нет, все-таки к такому нельзя привыкнуть! Нельзя! Нельзя! Что я делаю в постели Драгона абсолютно голая?! Почему он лезет ко мне целоваться? Я ведь вчера ждала Валентайна у нас дома...

— Лен, ты чего? — Люциан хмуро посмотрел на меня, усевшись довольно проворно для опрокинутого на спину дракона. Нет, я конечно не ожидала, что он будет валяться на спине и сучить ножками, как младенец или перевернувшаяся сраконожка... сороконожка, то есть, но мог бы полежать и дать мне собраться с мыслями!

Я! Ждала! Валентайна!

Сидела в кресле у нас в спальне, и...

«Наверное, уснула», — ехидно подсказал внутренний голос. А дальше... а дальше была...

— Ленор! — заорала я так, что переливчато свиристевшие за окном птички затихли и явно пожелали убраться подальше. От греха и от меня.

— Лена, ты точно в порядке? — внимательно поинтересовался этот... Этот!

— Что между нами было?! — Вот теперь уже я вцепилась в него. В плечи. С желанием хорошенько встряхнуть, но попробуй потряси окончательно пришедшего в себя драконо-принца.

— Видимо, нет, — Люциан покачал головой. — Все между нами было, Лена! Все! Тебе в красках описать? Или лучше показать в лицах? Я за второе...

Он снова потянулся к моим губам, но я увернулась, и Люциан ткнулся губами мне в ухо. Смачно так! Из-за чего в этом самом ухе у меня зазвенело, но куда там этому звону было сравниться с тем, что творилось в моей голове. Нервы у меня сдали окончательно, и я заколотила Драгона по груди, по плечам, в общем, везде, куда дотягивалась! Потому что вот это вот «между нами было все» — для меня это просто... просто кошмар наяву! Как я могла заснуть, ну как?! А эта... эта... которая раньше просто картиночки рисовала, пока я спала, теперь приперлась к Люциану и переспала с ним!

Овца!

Драгон перехватил мои кулаки, опрокидывая на постель и прижимая к ней своим телом. Из хорошего — между нами сейчас было одеяло, но этого хорошего было ничтожно, ничтожно мало.

— Ле-ен, — прищурившись, произнес этот... драконо-принц. — Только не говори мне, что ты ничего не помнишь,

или что ты была под каким-то там заклинанием?

— Дошло, наконец?! — взревела я раненым драконом. — Да! Я ничего не помню! А знаешь, почему я ничего не помню?! Потому что это была не я!

Вот теперь у Люциана стали такие глаза, какие, по ощущениям, были у меня. Когда я только-только их открыла, обнаружив себя в подозрительно похожих на свое первое пробуждение в этом мире обстоятельствах. Кажется, до него начало доходить, но что толку. Что мне теперь толку с того, что до него дошло, и что вообще до него дошло. Оттряхаться назад-то я все равно не могу!

Завернувшись в одеяло еще плотнее, я вскочила с постели, оставив на ней одраковевшего Драгона, заозиралась в поисках одежды, и тут до меня дошел еще один очевидный факт. Утро! Уже самое что ни на есть утро! Валентайн, наверное, уже давно вернулся домой, а я тут! Голая! После секса с Драконом!

Драконец.

— Что значит — это была не ты?

А нет, я была слишком высокого мнения о его умственных способностях. В отличие от меня, Люциан прикрыться не постарался, когда вскочил и подбежал ко мне с этим невероятным тактичным вопросом. Я судорожно вздохнула, стараясь не смотреть вниз на неприкрытое принцево достоинство, которое... Ой, все.

— Я недавно обнаружила, что Ленор умерла не до конца,

— сказала я. — Она все еще во мне. И она периодически просыпается. Так вот, у меня для тебя новости, вчера... сегодня или когда там, у тебя все было с Ленор Ларо, не со мной.

Первые эмоции, когда хочется бегать по потолку, закручивая магические спирали, уже отступили, и теперь я говорила спокойно. Насколько «спокойно» вообще применимо в такой ситуации.

— Если это шутка, то она не смешная.

— Это не шутка, Люциан. Ты вчера... — Я не договорила, обхватила себя руками. — Она захватывает мое сознание, когда я сплю. Или если мне как следует дать по голове. Тоже вариант, например. Впервые она вылезла, когда меня похитил и собирался убить Хитар.

Хотя вообще-то нет. Впервые она вылезла, когда писала его портрет. Вот только какая теперь разница!

Я обнаружила платье, в котором пришла — оно валялось посреди комнаты на полу. Явно сорванное в спешке, а не аккуратно снятое и повешенное на спинку стула. Не знаю, почему, но именно это платье подвело черту подо всем произошедшим. Так не снимают платья, чинно-мирно укладываясь спать, так их сдирают, сбрасывают в порыве страсти. Если до этого во мне еще жила одна миллионная доля надежды, что все случившееся — это мой глюк, то сейчас надежда выпрыгнула в окно и полетела... вслед за птичками. Да.

Белья на полу не нашлось, да я так понимаю, его и не бы-

ло. Ленор явно торопилась отдаться, настолько спешила, что даже трусы не надела! С другой стороны, зачем их надевать — логично же, что они только помешают! Вместе со злостью во мне проснулась уже знакомая темная глубина, которую я чувствовала несколько раз, но никогда раньше она не была настолько близка к моему сердцу.

— Значит, это правда, — хмуро произнес Люциан.

Я не ответила. Влезла в платье, завела руки за спину, пытаясь его застегнуть.

— Давай помогу...

— Не трогай! — я рывкнула на него так, что холода в сердце стало больше, а тьма довольно заворочалась, поглаживая щупальцами то, что билось у меня груди. — Не трогай меня и больше вообще никогда ко мне не приближайся! Не смей! Ненавижу тебя!

Люциан попытался меня перехватить, но я снова ударила его по груди. Снова, снова и снова, я понимала, что выплескиваю на него свою злость, но остановиться просто не могла! Как вообще можно было переспать с Ленор?! Как можно ее перепутать со мной?!

Понимая, что еще немного — и ничем хорошим это не закончится, я рванулась назад.

— Где моя виритта?

— Ты пришла без нее.

Отлично. Я так спешила, так спешила — точнее, Ленор, что не только трусы надеть забыла, но и виритту. Просто су-

пер! Действительно, зачем брать с собой помощника с координатами по порталам, путеводителем, простроенными схемами. Или она надеялась, что ночь с Люцианом выжжет меня из ее сознания, и возвращаться ей не придется? Надеялась, что он на ней женится после такого, что ли?

Дура!

Тьма заворочалась еще сильнее, я почувствовала расползающийся из самого центра груди холод, наклонилась и рывком подхватила туфли.

— Ну и куда ты пойдешь в таком виде, Лена?

Наконец-то Люциан вспомнил, что одежда не просто так была придумана, поэтому завернулся в сброшенную мной простыню, и сейчас напоминал не сына тэрн-арха, а сына какого-то римского полководца.

— Домой, — огрызнулась я.

— Давай я открою тебе портал.

— Обойдусь.

— Обойтись ты, конечно, можешь, но оно тебе надо? —

Он шагнул ко мне. — Просто скажи, куда.

А и правда, куда?

Я представила себе, как портал открывается прямо в спальню Валентайна из спальни Люциана. Дальше моя фантазия ломалась, потому что, видимо, рейтинг произошедшего после такого зашкаливал все возрастные цензы.

— На Эзалийскую набережную.

Там недалеко. Дойду. Заодно остужу голову и подумаю,

что вообще сказать. И как.

— Может, останешься?

Я махнула рукой, направляясь к дверям, но Люциан меня остановил. Точнее, остановил не Люциан, а шипение странства, разошедшегося золотым сиянием. Я скользнула в него, в раннее, дышащее прохладой весеннее утро. На набережной, к счастью, в это время еще никого не было, и я просто зашагала вперед. По направлению к дому, который действительно стал мне домом. К мужчине, которого сегодня ночью я предала.

Не представляю, сколько я так шла, пока мимо меня проехал первый маджикар. Очнулась я то ли от шума магического двигателя, то ли от пристального взгляда проходящего мимо мужчины, который почему-то смотрел вниз. Опустив глаза, я обнаружила, что иду босиком, сжимая в руке туфли. Пришлось остановиться, сесть на каменные ступеньки, ведущие к реке, чтобы обуться. Ноги привычно «обняла» комфортная обувь, по коже тут же пробежала знакомая щекотка: встроенные артефакты определили налипшие на пятки и пальцы камешки и пыль и мгновенно их выдули. Для летней обуви это была обязательная функция у всякого мало-мальски уважающего себя производителя.

Вздохнув, я сунула руки между коленей и так и сидела, глядя на то, как река расцветает бликами все выше поднимающегося солнца. Вода, подчиняясь течению, спешила между двух каменных границ, напоенная свежестью и стремитель-

ная. Что касается меня, я пыталась ухватиться хотя бы за одну нормальную мысль, которая помогла бы мне разобраться в сложившейся ситуации.

Технически я Валентайну не изменяла. Хотя ладно, технически как раз изменяла, потому что это и мое тело тоже. Но ведь это именно Ленор воспользовалась моим сном и приперлась к Люциану! При мысли об этом внутри снова заворочался темный знакомый холод, от которого я очень быстренько отключилась. Только темной магии мне сейчас еще не хватало для полного счастья!

Но ведь если разобраться в ситуации, я в самом деле с ним не спала. Я была в отключке, пока они с Ленор все это... р-р-р-р-р-р! Невероятно захотелось как следует кого-нибудь пнуть или что-нибудь разбить, но на каменных ступенях набережной можно было разбить только нос или костяшки пальцев, а это уже совершенно точно лишнее. Поэтому я раздраженно выдохнула. Получилось как рычание котенка пумы.

— Девушка, вам нужна помощь?

Я обернулась: рядом со мной стоял приятный молодой человек, заслоняя лицо от брызжущего в него света.

— Нет.

— А похоже, что нужна. Иначе с чего бы такой красивой девушке в такой ранний час сидеть в одиночестве на набережной?

Точно!

Я даже подскочила от пришедшего в голове осознания и от шальной мысли, ворвавшейся следом за ним.

Если Валентайн до сих пор меня не ищет, значит, он до сих пор не вернулся. Занят случившимся. Только благодаря этому весь Хэвенсград еще не на ушах, а Люциан Драгон жив, здоров и в полной боевой комплектации со всеми остальными частями тела на месте.

— Благодарю! — искренне произнесла я. — Вы мне очень помогли!

Молодой человек моргнул, но ответить не успел, я уже обогнула его и устремилась к ближайшей лавке зелий, видневшейся на противоположной стороне улицы. В Даррании не было светофоров, потому что пешеходы были всегда правы. То есть если водитель видел переходящего улицу, он должен был остановиться в любом случае и в любое время. Зачастую, именно из-за этого в центре и возникали пробки, потому как пешеходы бегали туда-сюда с завидной регулярностью.

Что же касается меня, я торопилась. Я очень-очень торопилась, у меня было крайне важное дело. Поскольку я не совершала никаких преступлений (это сделала Ленор, и с ней я еще разберусь отдельно), Валентайну совершенно необязательно знать о том, что случилось. Сейчас самое важное, что мне нужно — это зелье Пулиджа, способное растворить любые запахи.

Его разработал Пулидж, который работал... ну, в общем,

занимался утилизацией отходов жизнедеятельности драконов, принявших решение провести жизнь в драконоформе. Поскольку эти самые отходы были дико едучими, а запах впитывался в волосы и во все, до чего мог дотянуться, даже работа с магическими растворителями не спасала. Одежду после таких работ надо было стирать очень часто, либо постоянно менять униформу, потому что все работники этого направления пахли, как то, что они утилизируют. В общем, после своего изобретения Пулидж прославился и перестал работать утилизатором, а зелье пошло в народ и использовалось для вымывания и растворения всех, даже самых стойких, запахов.

Вот его я и набрала несколько пузырьков в большой бумажный пакет. Чтобы хватило на целую ванну.

— Заплачу напрямую, — сообщила я продавцу, который был явно изумлен таким спросом на зелье (я выгрэбла все).
— Виритту дома забыла.

Конечно, виритты здорово упрощали жизнь, и мамино (то есть Эвиль) изобретение перевернуло мир магии. Артефакт контролировал магические потоки, концентрировал магию, позволял гармонично ее распределять, отслеживать уровень, собирать в накопитель и так далее. Не говоря уже о куче других функций, упрощающих жизнь, быт, а главное — все в одном. Но к счастью, я уже достаточно напрактиковалась с магией, чтобы сейчас создать тонкий поток самой и перевести его в накопитель, читай терминал, местной аптеки.

После чего быстренько устремилась к ближайшей портовой точке, где проделала то же самое. Там было два варианта приема оплаты за переход: через виритту и обычный, по старинке. Некоторые в Даррании до сих пор не признавали прогресс и преимущества созданного Эвиль артефакта и пользовались магией так, как сейчас я. Без опоры на помощника или помощницу.

Переход пропустил меня поближе к дому Ленор и Макса, и спустя минут двадцать я уже совершенно неаристократично колотила кулаками в дверь.

— Э-эм-м-м, — из окна на втором этаже высунулся растрепанный сонный брат. — Я, конечно, очень рад тебя видеть...

— Открой, пожалуйста! — попросила я.

Если за ворота меня беспрепятственно пропустила артефакт-ключ, то дверь здесь просто запиралась, и на закрытый замок ставились охранные заклинания. Как только замок открывали, цепь заклинания размыкалась. Это была устаревшая технология, но Хитар предпочел не тратиться на новую. Поэтому пока брат дотопал вниз, пока открыл дверь, я уже немного занервничала.

— С тобой Валентайн не связывался? — поинтересовалась с порога.

— И тебе доброе утро, — ворчливо отозвался завернутый в халат Макс. — Нет. А что?

— Хорошо, — я вздохнула с облегчением: моя теория

подтвердилась. А потом положила руку брату на плечо:

— Если что, я ночевала здесь. И мы не спали всю ночь, хорошо? Только пожалуйста, ничего не спрашивай!

— Я бы все-таки спросил, — с лестницы выглянул Ярд, и я мысленно прикрыла глаза.

— Как хорошо, что ты этого не сделаешь, — прижимая пакет с зельями к груди, я взлетела наверх.

Дом в ближайшее время будет принадлежать нам с Максом напололам, но я собиралась отказаться от своей части в его пользу. Как бы там ни было, меня радовало, что у брата появился друг (абы кого в гости ночевать не приглашают), а еще меня радовало, что я не забирала отсюда некоторые бутылочки с мылами и пенами для ванн. Потому что после того, как я двадцать минут посижу в ванной с зельями Пулиджа, я буду пахнуть никак. Даже не как я, что очень и очень подозрительно. Поэтому как только они подействуют, мне надо будет принять ванну со всякими ароматическими маслами и прочим.

С этой мыслью я коснулась артефакта на стене, и ванна начала наполняться водой из открывшегося над ней портала. К особенностям дарранийского водопровода я уже давно привыкла, поэтому сейчас просто открывала крышечки бутылочек одну за другой и выливала зелья в воду. После чего стянула платье и туфли и залезла туда сама.

Глава 2

К тому моменту, как я вылезла из ванной, вся благоухающая теперь уже ароматно-цветочными пенками и шампунем, Макс с Ярдом, оказывается, накрыли на стол. Ну то есть как накрыли, притащили все съестное, что было в доме, в столовую. Съестного оказалось немного, и я уже начала сомневаться, что стоило отпускать брата из особняка Валентайна. Хотя, конечно, удержать его я не смогла. Как только в доме закончили с обысками, Макс, даже не дожидаясь, пока тут уберут оставленный стражами порядка беспорядок, слинял от нас и поселился здесь.

— У меня в комнате всегда так было, — сообщил он мне, — а остальное со временем разберем.

На сколько затянется это «со временем», я не представляла, потому что слуги дружно поувольнялись. Все разом. Теперь Макс, помимо подготовки к вступительным, нужно было еще и заниматься подбором персонала. Благо хоть будет, на что: ему, как и мне, полагалась огромная компенсация от правительства людей и от правительства драконов. Плюс ему еще пообещали стипендию, и это не считая того, что о родителях Ленор и Макса уже начинали восстанавливать первые факты, а виритты теперь имели право рассказывать о Симеоне и Эвиль Ларо.

Которые вполне могли оказаться и моими родителями то-

же. Но эта информация для меня была уже чересчур, поэтому пока я от нее отмахивалась и предпочитала думать, что Ленор просто не умерла. В другой день я бы за это порадовалась, сегодня же мне хотелось зажать ее в темном углу и популярно объяснить, что нельзя трахаться с Люцианами без моего разрешения!

«А ты у нее разрешения по поводу Валентайна спрашивала?» — ехидно поинтересовался внутренний голос.

Его я тоже предпочла игнорировать. Хватит с меня второй Ленор у меня в голове, если я еще и с собой начну общаться, тут уже впору сдаваться в дурку.

— Так... доброе утро? — поинтересовался брат, жевавший основательно увядший салат и заедавший его покрытым корочкой овощем бург, по вкусу напоминавшим нечто среднее между картошкой и сельдереем. Сверху лежало обветренное вяленое мясо, которое и в Африке, то есть в Даррании, вяленое мясо, и я поморщилась.

— Доброе. А вам все-таки приятного аппетита?

— Ха. Подколола. — Макс подвинул ко мне тарелку, на которой лежало все-все-все. — Вот. Выбирай.

Я потыкала вилкой в содержимое и снизу нашла что-то относительно свежее и без корки. Но все равно.

— Так есть нельзя.

— Мофно, — ответил Ярд с набитым ртом. — Мы парни неприхотливые.

— И что? Это не отменяет того, что надо есть нормальную

свежую еду.

— Да, мамочка.

Я запустила в Макса ягодой, которую тот поймал на лету и, в отличие от Люциана, совершенно незротично съел.

— Ладно, спрашивать тебя, почему мы все ночью не спали, нельзя, поэтому просто спрошу: как дела? — Ярд повернулся ко мне.

— Отлично. Превосходно. Замечательно. — Я стащила живой на вид бьянк, почистила и откусила кусочек. Ало-оранжевый фрукт оказался живой, а еще очень сочный и спелый, что порадовало и меня, и мой желудок.

— Отлично. Превосходно. Замечательно, — прокомментировал брат, пристально глядя на меня. Я даже проверила, в порядке ли платье.

К счастью, здесь оставалась часть моей одежды, к несчастью, самая неудобоваримая. Поэтому платье я надела то же, в котором Ленор заявила к Люциану, а вот белье пришлось надеть то, что осталось. Такое, простенькое. Из времен, когда за одежду племянницы платил Хитар.

При воспоминании о Хитаре я поморщилась снова, вспоминая, как он сидел за этим самым столом во главе, а после — лежал вниз лицом на дощатом полу, сокрушенный магической атакой пришедших за нами военных. Накатившие воспоминания ничуть не способствовали аппетиту, поэтому я подтащила к себе самую чистую на вид тарелку и отложила несколько долек до лучших времен.

— А у тебя как дела, Ярд? — поинтересовалась, чтобы поддержать разговор.

— У меня все...

— Отлично, превосходно, замечательно, — фыркнул Макс.

Я укоризненно на него посмотрела.

— Что? — брат передернул плечами. — Ты заявляешься рано утром, вся такая взлохмаченная, в платье... в этом вот.

Ладно. Хорошо. Ленор выбрала правильное платье для соблазнения.

— Говоришь, что мы не спали всю ночь, и что я, по-твоему, должен думать? Что ты хочешь отмазаться от того, чтобы рассказать мне что-то серьезное!

Я определенно привнесла в дарранийский язык много интересных выражений, но сейчас мне стало не до того. Потому что Макс смотрел на меня в упор и явно ждал объяснений. Хотя бы минимальных. И он их заслуживал, потому что мы с ним не просто брат и сестра, мы с ним друзья, а друзья говорят откровенно. Они могут сказать друг другу обо всем или почти обо всем, но о том, что произошло с Люцианом, я никому говорить не собиралась.

— Ты же знаешь, что со мной происходит, — уклончиво ответила я.

— Темная магия? — переспросил Макс. — Ты поэтому не хочешь ничего говорить?

— Да. — В общем-то, я даже не солгала. В теле Ленор, а

точнее, в одном теле мы с Ленор оказались благодаря темной магии.

— Ладно. Тогда потом.

— Благодарю.

Я потянулась за фруктом, когда Ярд произнес:

— Осталось пять дней до экзаменов.

— Тебе обязательно было все портить? — фыркнула я.

После этого наш разговор, к счастью, свернул на всякие студенческо-учебные шуточки и обсуждение предстоящего, и, разумеется, Макса это тоже волновало самым живейшим образом, потому что ему предстояли вступительные экзамены почти сразу после наших.

— А вы знаете, что в приемной комиссии будет Женевьев Анадоррская? — внезапно выдал Ярд.

— Теперь знаем, — хмыкнула я. — Вопрос в том, откуда это знаешь ты?

— Я вообще активно интересуюсь жизнью Академии. Ну и, если честно, я считаю, что Женевьев классная. С потенциальными супругами ей, конечно, не повезло, но оно и к счастью. Выйти замуж за парня, который любит другую, или за того, кто любит только себя...

— Эй! Люциан, между прочим, спас моей сестре жизнь.

— Спас, но это не отменяет того, что с Женевьев он поступил отвратно. Так что у нее был невелик выбор. Зато теперь она сможет выбирать сама.

— Такие как она, обычно, все равно не могут выбирать

сами, — возразил Макс. — Ей отец найдет третьего, взамен Драгонов. А уж если он станет тэрн-архом...

— Да, брак по любви ей точно не светит, — кивнул Ярл. — Но всегда же можно найти того, кто хотя бы уважать тебя будет. Ценить.

— Предложил свою кандидатуру, — хохотнул брат.

Ярд поперхнулся. А в следующий миг уже поперхнулась я, потому что дверь распахнулась, и в столовую, жестко отчеканив:

— На пару слов, Лена, — шагнул Валентайн.

Валентайн Альгор

Вечер и ночь, которые должны были стать одними из лучших в жизни, превратились в кошмар. Кошмар — потому что вместо того, чтобы быть с Леной, пришлось вместе с ведущими посмертниками Даррании проводить освидетельствование тела Лэйтора. Которого выбросили из портала прямо посреди гудящего Хэвенсграда, на глазах у женщин, детей, на глазах у приезжих. Потом состоялся разговор с Керуаном, на котором архимаг брызжал слюной и вопил, что Валентайн подставил их обоих.

А он понимал, что да — действительно подставил, надо было свернуть Лэйтору шею и распылить тленом над Мертвыми землями. Проблема заключалась в том, что тогда в нем кипела черная ярость, а перед глазами стояло лицо Лены и мерзкая рожа Лэйтора, склонявшегося над ней. Быстрая

смерть для которого стала бы избавлением.

Но настоящая проблема заключалась в том, что отец сделал свой первый ход.

Впервые со дня появления Лены в Даррании, Адергайн Ниихтарн вышвырнул фигуру на игровое поле. Мертвую, но от этого не менее опасную, если не более. И сделал он это так, что никакого прорыва пространства Валентайн не почувствовал. Каким-то образом, через кого-то в Даррании. Через кого-то очень могущественного и со связями.

Дальше было непростое заседание с Керуаном и Драконовым, Ферганом и его советниками, на котором выстраивалась линия поведения и информация, которую должны были подготовить для новостных изданий и распространить среди горожан. Керуан сообщил, что прошлой осенью Лэйтор подал в отставку, сославшись на личные мотивы в отношении Ленор Ларо и темной магии, но после долгих месяцев вернулся и попросил снова подключить его к делам, пусть даже без восстановления должности гритта. В свете бывших заслуг военного, Керуан решил ему не отказывать, но буквально на следующий день поступил сигнал с приграничной контрольной зоны, и Лэйтора отправили туда проверить. Он должен был взять отряд, но пошел один, а «вернулся» таким вот образом.

Что-то подсказывало Валентайну, что в эту брехню Ферган мог поверить с тем же успехом, как и в то, что Анадоррский откажется от борьбы за престол, но тэрн-арх принял ин-

формацию весьма благодушно. Исключительно потому, что она была ему выгодна: в свете творящейся с его наследниками суеты, переключение внимания населения Даррании было более чем выгодно. Особенно принимая во внимание то, что у него есть свой «ручной» темный, который может со всем разобраться. А у Анадоррского нет.

Но что самое отвратительное, Валентайн оказался в эпицентре этих мерзких игр и лжи, налипшей, как щупальца тленного заклинания. По большому счету, ему было плевать на них всех и сознаться в том, что он зашвырнул потенциального насильника и убийцу на растерзание темным тварям для него было легко.

Всем.

Кроме Лены.

Почему-то он представлял, как меняется ее лицо, когда он говорит, что произошло с Лэйтором. Представлял, как на нем отражается неверие, изумление, разочарование.

Разочарование было пережить сложнее всего. Даже ненависть, ее возможная ненависть, не настолько пугала, как это едва уловимое чувство, наполненное горьковато-кислыми эмоциями, за которыми рушится все, что они только-только сумели выстроить.

Она не поймет.

Он помнил ее страх, помнил, как она переживала из-за того, что могла бы убить Хитара, когда на нее нахлынула тьма.

И вот сейчас он, который давно ничего не боялся, опасал-

сы увидеть в ее глазах короткую вспышку презрения, сменяющегося отторжением.

Не этого ли добивался отец?

Того, чтобы у него появилась *такая* слабость.

Страх ее потерять.

Поэтому когда, вернувшись домой после комментариев на Алой площади (он смутно помнил, что там говорил — наверняка какую-то банальщину в стиле «защитим, поможем, спасем», помнил только, что толпа начала расходиться именно после его выступления, и Ферган, и Керуан вздохнули с облегчением), Валентайн не обнаружил там Лену, внутри снова все взметнулось черным, давящим вихрем. Пусть он мог, должен был почувствовать грозящую ей опасность интуитивно, перед глазами потемнело. Одно короткое мгновение, когда магия дотянулась до сердца, вдавив его в ребра холодом и злой мощью, один выдох, одно лишь представление о том, что отец мог ей навредить...

Лишь усилием воли выдернув себя из этого, он нашел прислуживающую ей горничную, и та ответила, что Лена ушла вчера вечером, и с тех пор не возвращалась. Виритта осталась дома, а больше ничего внятного из женщины вытянуть не удалось.

Два места, куда она могла захотеть направиться — к своей Соне и к брату.

Первым Валентайн решил проверить дом Равена и не прогадал. Вот только первой эмоцией вместо облегчения, когда

он увидел ее, спокойно завтракающую с двумя парнями, была ярость. Ярость такой силы, что прорвалась она в обычном приказе:

— На пару слов, Лена.

И только когда она растерянно обернулась, впери в него свой пронзительный взгляд таких родных глаз, по телу словно судорога прошла, скрутив напоследок внутренности болью — и тьма отступила. Глубоко вздохнув, Валентайн шагнул в столовую и произнес уже гораздо мягче:

— Прости. Мне нужно с тобой поговорить. Срочно.

В ответ на недоуменные взгляды парней, он просто коротко прокомментировал то, что вся Даррания и так будет знать через пару часов:

— Найдено тело военного, изувеченное темной магией.

Мальчишки изменились в лицах, а Лена поспешно поднялась.

— Увидимся в Академии, Ярд. Макс, я на связи.

— Погоди... а как ты в дом-то зашел? У нас охранка стоит.

— Паршивая у вас охранка. — Ее близость успокаивала, и Валентайн даже нашел в себе силы дернуть уголками губ в подобии улыбки. — Сегодня-завтра лично настрою.

Лена протянула ему ладонь, и он мягко сжал ее в своей. Вихрь, разорвавший пространство, осыпался серебряными и черными искрами, когда они оказались в спальне.

— Ты правильно сделала, что не стала сидеть одна. Но,

пожалуйста, не делай так, не предупредив меня.

Она, почему-то слегка напряженная, приподняла голову. Почему-то не глядя ему в глаза.

— Все настолько серьезно?

— Лэйтор — ход моего отца, — произнес он, и пальцы, путаясь в ее волосах, заскользили по шелковым прядям.

Валентайн притянул ее к себе, вдохнув запах волос: мягкий, цветочный, с легкой горчинкой. Как же рядом с ней хорошо. Как легко. Как светло.

— Но, думаю, это и так понятно. Поэтому в ближайшее время я буду сопровождать тебя в Академию и из Академии. Одной без меня никуда ходить не стоит.

— Валентайн, но ты не можешь везде ходить со мной, как привязанный! Если я... если мы с Соней или с Максом захотим посидеть где-нибудь? Прогуляться? Пройтись? Это же нереально, все время жить и бояться. Так мы уничтожим друг друга раньше, чем до нас доберется он.

И она снова права. Почему-то захотелось сказать ей об этом, невыносимо, но Валентайн удержал слова в себе, касаясь губами ее волос, повторяя пальцами линию скул.

— Я подумаю, что можно сделать. Просто эти пару дней без меня никуда, хорошо?

— Хорошо, — кивнула Лена. — Да. Я все понимаю.

Он глубоко вздохнул, расслабляясь. Никогда не думал, что будет держать кого-то в своих руках вот так, как самое бесценное сокровище. Дышать кем-то, как самым прозрач-

ным воздухом после удушающей пустоты Загранья.

— А в целом? Все совсем кошмар, да?

— В целом все терпимо. — Валентайн улыбнулся, падая на кровать и увлекая ее за собой.

— Ты же в курсе, что мне в Академию, да?

— В курсе. Я сам здесь только чтобы принять ванну, потом надо будет вернуться к Керуану.

— А ты поставишь мне зачет автоматом? — поинтересовалась она, коснувшись пальчиком его щеки.

Валентайн зажмурился. Как будто мало им было расследования по делу Хитара, Ленор... теперь еще и это. Но вместе с этой мыслью пришла другая: вдвоем они со всем справятся. Все преодолеют, потому что эта близость — не только слабость, что бы там себе ни надумал Адергайн. Это еще и его сила. Сила, которую он не позволит отнять никому.

— Поставлю, если объяснишь, что такое автомат.

— У-у-у... — сказала Лена, а он подтянул ее на себя повыше.

Нашла же где-то такое платье! Подчеркивающее грудь, обрисовывающее ее, разве что не просвечивающее. На грани приличий, но вот очень на грани.

— И если никогда больше не будешь надевать это платье ни для кого, кроме меня.

У нее вспыхнули щеки, а он уже потянул бретели вниз, обнажая хрупкие плечи. Невозможно так чувствовать. Просто невозможно — это же бесконечное, чистейшей магии по-

мешательство.

— Ва-а-а-а-лентайн, — пискнула она, выворачиваясь из его рук. — Академия!

— Хорошо, — согласился он, — но нам нужно принять душ. И это можно сделать вместе.

— Нет! — неожиданно воскликнула она.

— Нет?

— Я у Макса от скуки в ванной часа два просидела. Вся скукожилась от воды уже. Ты же не хочешь, чтобы я скукожилась?

Ну вот и что ей ответить? Что у него рядом с ней не то что не скукоживается, а наоборот, все очень стремительно расправляется и твердеет, и что он не железный?

— Что с Ленор? Не появлялась? — Валентайн постарался переключить мысли на другую тему.

— Нет, уснула. К счастью.

— Об этом тоже надо подумать, — больше себе, чем ей, напомнил он. — Ладно, счастье мое, я в душ, а ты собирайся.

Вслед за сильным напряжением, как всегда бывает, нахлынула усталость. Единственное, что пробивалось даже сквозь нее — это желание, сумасшедшая жажда этой невероятной притягательной женщины, поэтому когда на словах «счастье мое», Лена отвела взгляд, Валентайн наклонился, коснулся губами ее губ и все-таки быстро направился в душ.

Глава 3

Люциан Драгон

Если твоя жизнь в какой-то момент превратилась в драконий навоз, глупо рассчитывать, что за один день все изменится. Глупо, но он попался. Потому что действительно поверил в то, что к нему могла прийти Лена, что ей не все равно. Поэтому же сейчас, направляясь в гостиную в доме Драконовых, он пребывал в оглушенном состоянии. Примерно в таком же, в каком пребывал, после того как его долбануло боевым заклинанием на полигоне, а он не совсем корректно рассчитал параметры щита. Наверное, так было лучше: анестезия ему сейчас была просто необходима, и вот такое вот состояние отключало все, что в нем еще отключалось.

В частности, осознание того, что на самом деле произошло.

Память об этом.

Чувственные ощущения обладания самой желанной женщиной в мире... которая оказалась вовсе не той.

София Драконова, то есть Соня Драконова, или кто она там, вошла в гостиную уже в академической форме. Вся такая идеальная, как обычно, и первым ее вопросом было:

— Ты же должен быть в гарнизоне?!

— Я тоже рад тебя видеть, — Люциан потер переносицу.
— Давно ты знаешь, что в теле твоей подружки живет две

личности?

— Что?

Драконова выглядела ошарашенной. Настолько, что впрямь подозревать ее в классной актерской игре, но... нет. Они слишком долго дружили, и сейчас Люциан понимал, что она тоже не знала. Ее лучшая подруга тоже об этом не знала. А кто знал? Ну тут и так все понятно. Привет, Валентайн Альгор.

— Ничего. Веселенькая информация, правда? — Люциан тяжело упал на диван.

Голова шла кругом, но не буквально. К счастью.

Соня приблизилась, присела на краешек дивана рядом с ним.

— Что произошло, Люциан?

— О-о-о-о, что произошло... — поймав себя на грани смешка, Люциан проглотил сарказм и улыбку. — Мы переспали.

— С кем? — Глаза у Драконовой стали еще больше.

— С Ленор. Которая в теле Лены. Хотя вообще-то все наоборот, но драх его знает.

Какое-то время Соня просто моргала, и он позволил ей помолчать. В конце концов, в нем тоже не осталось слов, когда он узнал правду. Вот эту вот правду — о том, что все, что говорили любимые губы вчера: «Не уезжай, останься, ты мне нужен...» — оказалось словами дурной девчонки, которую он никогда не воспринимал всерьез. Но главное, что он

так хотел верить в то, что у Лены к нему тоже есть чувства, что готов был поверить даже в эту фальшивку. В то, что она действительно уйдет от Альгора, что она все обдумала, что ей наплевать на все проблемы, что она не хочет его терять.

Ее тело в его руках так откликалось на ласки, было таким податливым, а еще настолько желанным, что он просто потерял голову. Утром нашел, правда. С отрезвляющими словами: «Это была не я!»

— То есть как? — переспросила Соня осторожно, когда пришла в себя.

— А я знаю? — Люциан запустил пальцы в отросшие волосы. — У вас же все, к драхам, невероятно сложно. Она сказала, что Ленор все еще жива. И что именно она заявила ко мне вчера вечером.

— О-о-ох, — только и сказала Драконова.

Да уж. Примерно так же можно было бы выразить и его чувства, но Люциан промолчал. Ему хватило звенящих в ушах собственных стонов и рычания, стонов выгибающейся под ним девушки, которые до сих пор эхом били по сердцу.

— А... Лена? Что с ней? Где она?

— Где-где... где она может быть? Валентайн Альгор ее трахает, вот там она сейчас и...

— Люциан! — голос Сони прозвучал жестко, как пощечина. — Ты блин хотя бы раз можешь подумать о том, что больно не только тебе? Ей тоже больно!

— Ей?! — Он усмехнулся, подавив внутри детский во-

прос: «А кто подумает обо мне?» — Учитывая, как легко она меня послала и попросила открыть портал...

— Окей. — Соня сложила руки на груди, сверкнув глазами. — А что бы сделал на ее месте ты?

— На ее месте?

— Ну да. Представь, ты проснулся рядом с девушкой, ничего не помнишь... а нет, давай лучше так. У тебя отношения с лучшей из девушек, которую только можно представить, а просыпаешься ты рядом с другой, при этом нифига не помнишь.

— Как-то раз я так проснулся с тобой.

Соня закатила глаза, а Люциан сжал кулаки. Неизвестно, что царапнуло больше — вот это вот «с лучшей из девушек» — значит, и Соня считает Альгора наилучшим для Лены вариантом, или то, что он опять оказался крайним.

— Знаешь, София, — сказал он, поднимаясь. — Из всех друзей, которые у меня были, остались только сестра и ты. Но Нэв еще слишком мала, чтобы с ней говорить о таком, а к тебе я пришел не то чтобы за поддержкой. Просто поговорить. Мне совсем точно не нужно было слышать, что я опять думаю только о себе, даже если это так. Хотя бы раз, хотя бы от кого-то, просто всего лишь раз мне нужно было услышать: «Люциан, я с тобой». Но это, судя по всему, не про меня. Или не про нас.

— Считай, что я плохая подруга, — Соня поднялась вслед за ним, — но у Лены очень непростая ситуация. Я, если чест-

но, не могу даже представить, что она сейчас чувствует. И если бы ты, Люциан, задавался такими вопросами, если бы ты хоть раз задал такой вопрос ей — потому что за всей ее защитой она удивительно нежная и бесконечно добрая — возможно, сейчас тебе не пришлось бы ревновать к Валентайну Альгору. Насчет хотя бы раз — ты можешь прийти ко мне всегда, а не раз. Но я не собираюсь выбирать между вами и принимать чью-то сторону. То, что вы там наворотили вместе — не мое дело. Я готова тебя поддержать, но я не готова слушать грубости в отношении Лены. Точно так же, как я не стану слушать, если она вздумает обругать тебя. Вы оба дороги мне, понимаешь?

Она помолчала, словно подбирая слова, а после продолжила:

— Мне жаль, что все получилось так, как получилось. Но думать о чувствах других — это важно. Даже когда очень больно. Особенно если эти другие тебе дороги.

Люциан хмыкнул.

— Спасибо за лекцию, но мне пора. Я и так опоздал на построения.

— Мог не опаздывать, — жестко ответила София.

И он, пренебрегая всеми правилами этикета, просто открыл портал из драконовской гостиной к себе. А после, подхватив сумку с вещами — туда, где должен был пройти ближайший год его жизни минимум. Туда, где не будет ни Лены, ни Альгора, ни даже этой драховой моралистки с ее совета-

ми. Пусть они все здесь дружно разбираются сами. Со всем. А с него хватит.

Лена

Из хороших новостей: я получила зачет по технике создания плетений быстро и без дополнительных вопросов. Видимо, магистр Тулли проникся моими последними приключениями и решил надо мной не издеваться. А это он еще про Ленор не знал! Сдается мне, тогда вообще посмотрел бы умильно и спросил: «Деточка, как ты с этим живешь?»

Честно говоря, я сама не представляла, как я с этой живу! Точнее, как мне с ней дальше жить. Где я себя найду в следующий раз? В чьей постели? Но думать об этом и в принципе жить дальше не представлялось возможным, поэтому я старалась не думать. Поэтому в моей голове творился бродячий цирк из серии: думать о чем угодно, только не о случившемся ночью. Не о том, что я шарахнулась от прикосновений Валентайна, и что это может повториться.

А-а-а-а-а!

— Лен?

Я сидела в парке на скамеечке, и от неожиданно выпрыгнувшей на дорожку Сони (ну ладно, она наверное просто подошла, а я не заметила) дернулась.

— С утра была Лена, — буркнула я.

Совершенно не вовремя, как это всегда бывает, разом нахлынуло все. В частности то, что Соня даже не навестила меня после того, что случилось. Вот не верю я, правда, что она

не в курсе была! Поэтому вместе с раздражением неожиданно проснулась какая-то нездоровая злость.

— Если верить Люциану, с утра ты была не Лена. Можно?
— Она кивнула на скамейку, а я похолодела.

В моем плане с зельем Пулиджа и ночевкой у Макса был один существенный прокол: Люциан Драгон. Тот самый, который шантажировал меня встречами с братом. Тот самый, который спас мне жизнь. Не парень, а сплошное противоречие на ножках. Но вот то, что Соня уже в курсе...

— Рада, что тебе доложили, — вместо того, чтобы пригласить ее сесть, я резко вскочила, но Соня перехватила меня за руку.

— Лена, прости. Прости, пожалуйста, — сдавленно произнесла она. — Ты была права. Я не сумела справиться с тем, что произошло, и злилась на всех, в том числе на тебя. Я должна была прийти к тебе, когда узнала о Хитаре и обо всем... но мне было очень плохо. Очень отвратно. Я не знаю, как описать то, что со мной творилось, но это не оправдание. Потому что о тебе я совсем не думала. Пожалуйста, давай вместе это решим. Я не хочу, чтобы мы отдалились вот так.

Я сделала пару глубоких вдохов и выдохов.

— Да, знаешь, мне тоже было очень больно, когда я пришла в себя и не увидела тебя рядом.

— Я знаю. Поэтому и прошу прощения. За то, что во мне не осталось сил просто тебя навестить. — Соня разжала пальцы. — Люциан не доложиться ко мне пришел. Он при-

шел, потому что ему было больно. Не знаю, в курсе ты или нет, но он без ума от тебя, и он чуть не рехнулся, когда узнал, что к нему явилась не ты, а Ленор. Господи... я даже такое умудрилась прозевать.

Она приложила ладони к щекам и села, абсолютно потерянная, а я, вспомнив, с чего это все началось, опустилась рядом с ней.

— Сумасшедший мир, — сказала, запрокинув голову и глядя на кружащиеся под порывами ветра лепестки. Местная яблоня была больше похожа на сакуру, хотя цвет лепестков — между фуксией и сиренью, был не похож вообще ни на что. Высоченное небо, раскаленное до теплой голубизны солнцем, взрезали башенки Академии. — Вот так, со стороны посмотришь — сказка сказкой. А на деле полная жесьть.

— Ну, все не так уж критично, — Соня улыбнулась.

— Может быть. Но мне жизненно важно отрефлексировать темные моменты через сарказм.

Подруга фыркнула. Поддалась моему примеру, откинулась на спинку скамейки и тоже запрокинула голову.

— Знаешь, я не представляю, что бы я делала, если бы не нашла тебя. Спасибо Жоффрею де Пейраку.

— Спасибо Жоффрею де Пейраку, — эхом отозвалась я. Мы одновременно повернулись и посмотрели друг на друга.

— Мир? — спросила Соня.

— Мир, — ответила я. — Если только ты больше не бу-

дешь играть в Отморозко.

— Не буду. Обещаю.

Я опять вздохнула: у меня как гора с плеч свалилась. Может, мы с Соней и не были приклеенными друг к другу в нашем мире, но между нами не было этой тяжести, какая навалилась совсем недавно. И вот теперь, когда ее не стало, я снова могла дышать полной грудью, а еще... еще теперь мне было, кому сделать так. Я уткнулась в форменный пиджак подруги носом и шмыгнула им.

— Если ты знаешь все про Ленор, то ты все знаешь.

— Да. Но дальше меня это не пойдет, Лена, можешь не сомневаться.

— В тебе я не сомневаюсь, а вот в Люциане...

— Он злой, как почтальон Печкин. По той же самой причине.

Теперь уже фыркнула я: воспоминания о любимом же мультике Сониной мамы, который она нам показывала, тоже были живыми.

— Сомневаюсь, что у него чего-то по жизни не было.

— У него нет тебя.

От неожиданности я даже задрала голову.

— Ну знаете ли, я тоже не велосипед.

Соня усмехнулась.

— Он влюблен в тебя по уши.

— Он влюблен в себя по уши.

— Да. И в тебя. Одно другому не мешает.

Я вздохнула еще раз: через это дыхание из меня выходило дикое напряжение, которое я запрятала в себя после ванной, то есть ваннх, и которое вернулось после нашего непродолжительного общения с Валентайном. Когда он ко мне прикоснулся, я шарахнулась от него, и, к счастью, он ничего не заметил. После случившегося этой ночью, хоть я ничего и не помнила, внутри просто будто что-то замкнуло на уровне инстинктов.

— Мы можем сейчас не говорить про Люциана? — показала головой я. — И вообще больше не говорить про Люциана.

— Что-то мне подсказывает, что лучше говорить, но как знаешь. — Соня подняла руки, и мы, кажется, обе одновременно вспомнили, что про Сезара и про их свадьбу мы тоже больше не разговариваем.

Это на миг отразилось на лице подруги сдвинутыми бровями и быстрым:

— Так что там с Ленор?

Я отстранилась, села поудобнее, подогнув под себя ногу. И рассказала все, что произошло: начиная с момента, как я писала портрет Люциана, точнее, как Ленор писала портрет Люциана, с ее воспоминаний о поцелуе, появления в моем сне и заканчивая сегодняшним (или вчерашним) эндшпилем. Соня слушала, не перебивая, только хмурилась с каждым мгновением все больше и больше. Особенно она нахмурилась, когда я произнесла:

— Валентайн предположил, что мы вообще можем быть единым целым. То есть... Эвиль работала над тем, чтобы расщепить магию, темную и светлую в Сезаре, ну вот он и решил, что...

— Бред! — вскинулась Соня. Меня даже полоснуло ее яростью и раздражением. — Прости, Лен! Но как ты можешь быть придатком к этой... к этой девице! Сколько я тебя знаю, ты всегда была самостоятельной, целостной личностью, а предположить такое... ну, с тем же успехом можно предположить, что я попала в семью Драконовых не просто так. И это еще не говоря о том, какой матерью нужно быть, чтобы такое повернуть над собственной дочерью! Да и зачем? В Сезаре действительно соединены тьма и свет, а малышка, дочь людей-магов? Что такого могло быть в ней?

— Понятия не имею, — простонала я. — Но все настолько запуталось, что я уже ничему не удивлюсь.

Соня покачала головой.

— Нет. Мне кажется, здесь Валентайн неправ.

— Тем лучше, — я, если честно, тоже не горела желанием обзавестись таким ментальным сиамским близнецом, как Ленор. Девуцу с таким мерзким характером еще поискать надо, неудивительно, что их с Ликой Эстре поселили в одном месте. Если бы Ленор осталась Ленор, была бы та еще dream team.

— Ладно, — теперь уже Соня глубоко вздохнула. — Факт остается фактом. Что ты собираешься с этим делать?

— Валентайн будет искать способ что-то с этим сделать, а я буду ему помогать. Потому что честно — здесь даже понятия не имею, как подступить к... к ментальному расположению.

— А Валентайн уже знает?

— О чем?

— О том, что произошло сегодня.

— Нет.

— Нет?!

— Нет, и не узнает. Я не хочу причинять ему боль.

Соня открыла рот, будто собиралась что-то сказать, но тут же его закрыла. Раньше мы с ней всегда говорили откровенно, а еще она никогда не боялась сказать правду в лицо. Сейчас же я была ей искренне благодарна за то, что свои советы и мнение она придержала при себе. Меньше всего мне сейчас хотелось услышать, что я неправа, потому что решения своего я менять не собиралась. Хотя и ставила себя в зависимость от того же Люциана, который в очередной раз мог мне пригрозить, но с этим я потом разберусь. Сейчас бы разобраться с Ленор.

— Вы, главное, не откладываете, — попросила Соня. — Я очень не хочу, чтобы эта Ленор опять влезла в твое сознание и рулила.

— Вообще-то, первой в ее тело влезла я, — заметила я.

— Может быть, но не по своей воле. И только не говори, что ты сейчас считаешь себя перед ней виноватой! Ты об

этом не просила, и вообще, выжила там, где ее бы уже перемололо в труху!

Я кивнула.

— Займемся, Сонь. Обязательно займемся. Валентайн и так делает для меня все... а особенно сейчас.

Весть о том, что произошло с Лэйтором, не минула и Академию, разумеется. Эта новость перебила и новость о свадьбе Сони с Сезаром, и о том, что с моих, тьфу с родителей Ленор, сняты все обвинения. В каком-то смысле я была даже этому рада, надоело постоянно находиться на передовой всеобщего внимания.

Что же касается Валентайна, он действительно делал для меня все. И не просто делал, но и объяснял: в частности, свое требование ходить порталами исключительно с ним. Оказывается, благодаря тому что пространство во время открытия портала нестабильно, в это можно вмешаться через слои Загранья и выдернуть меня прямым ходом в Мертвые земли. Да, это требует колоссальных усилий и отнимает безумно, нерационально много магии, вплоть до серьезного истощения, но, тем не менее, для темных такое реально. Я попыталась возразить, что если бы его отец хотел меня похитить, я бы уже была там, и он даже с этим согласился. Но еще он добавил, что Лэйтор — это первый серьезный ход Адергайна, а значит, пока он не придумает, как защитить меня во время перемещений и в принципе, будет везде меня сопровождать.

Я не стала спорить дальше, потому что понимала, что дело

действительно серьезное.

А еще, потому что, несмотря на все, я чувствовала вину.

За то, что позволила Ленор проверить все это. За то, что банально заснула, хотя знала, чем мне это грозит. О таком подумать не могла, разумеется, но это не отменяло того, что я расслабилась. Слишком расслабилась, и вот — получите, распишитесь.

— Я рада, что между нами все снова как прежде, — Соня накрыла мою руку своей.

Я улыбнулась.

Хотя и понимала, что, как бы мне этого ни хотелось, как прежде уже ничего не будет.

— Пойдем на консультацию?

— Пойдем, — подруга вскочила. — Я, если честно, совершенно не готова к экзаменам...

— Ты из тех, кто говорит, что не готов, а потом все сдает на отлично, — фыркнула я.

— Я серьезно! — обиделась Соня.

— Ладно, ладно. Хорошо.

— Позанимаемся сегодня вместе?

— Не вопрос.

Мы вместе зашагали к главному корпусу, а я улыбалась, когда думала о том, что в плане экзаменов Соня все-таки паникерша. Она каждый раз считает, что ничего не знает, а потом все отлично сдает. Так было с ЕГЭ, да и ОГЭ, со всеми зачетами и контрольными. Вот правда. Мне же зачастую ка-

залось, что я все хорошо выучила, но тут попадался какой-то каверзный вопрос или каверзный вариант в тесте... Не то чтобы я боялась все завалить, но первые магические экзамены — это вам не шнурки на новых кроссовках завязывать. Поэтому при мыслях о них меня все же слегка потряхивало.

Равно как и при мысли о том, что я скажу Ленор, когда буду с ней разговаривать, и сделать это нужно как можно скорее и не откладывая. А именно — прямо сегодня.

Глава 4

Проставив допуск к экзаменам на виритты, мы с Соней занимались несколько часов, после чего она все-таки ушла порталом домой, а я осталась ждать Валентайна. Он сообщил, что задержится, пообещал, что все расскажет дома, а я пожелала ему удачи и пошла устраивать сеанс связи с Ленор. Как с ней связаться, я пока представляла смутно: как и, на самом деле, тот факт, стоит ли с ней вообще связываться. Правильный ответ — нет, но надо, поэтому я уселась на кровать, закрыла глаза и принялась ждать. Всякий раз это получалось либо внезапно, через сон-полудрему, либо в экстремальных ситуациях, сейчас же я хотела установить эту связь осознанно. И для начала высказать ей все, что я о ней думаю, а потом...

— А потом ты выслушаешь мои условия. Точнее, давай так, — ехидный голос Ленор в моей голове прозвучал, как крайняя степень безумия. — Сначала ты выслушаешь мои условия, Ле-на-а-а-а.

Мое имя она опять протянула с ненавистью, но тут уже я ей сама не уступала.

— Ты вообще в курсе, что ты натворила?! — мысленно рявкнула я.

И снова оказалась в комнате, где впервые с ней «повстречалась». То есть дома у Макса.

Ее лицо просто надо было видеть! Сложив руки на груди, она рассматривала меня с таким нескрываемым превосходством, как могла бы смотреть недалекая королева на нищенку у ее ног. При этом она еще была в том самом платье, и, хотя я и понимала, что это все игры подсознания, точнее, наших двух сознаний, меня просто передернуло!

— Понравилось чувствовать, что тобой распоряжаются, как куклой? — осведомилась Ленор.

— Ты совсем дура, да? — Я шагнула к ней. — Или тебе вообще без разницы, кого трахал Люциан? Без разницы, что он трахал меня?!

Ее лицо исказилось от ненависти.

— Нет! — прошипела она. — Нет, мне-то как раз есть разница! Еще мне есть разница, что с ним будет. Мне есть дело до него! Поэтому мне было плевать, как заставить его остаться. Пусть даже пришлось притвориться тобой, только чтобы он не пошел в гарнизон — ты хоть понимаешь, как там опасно, на границе?!

Что? Она мне еще сейчас втирать будет, что потрахалась с ним, чтобы он не ушел и не подвергал свою жизнь опасности?!

— Ну тогда ты в курсе, что твой маневр не сработал.

Соня рассказала, что пыталась связаться с Люцианом утром, сразу после их разговора, но ей сообщили, что он ушел в гарнизон и отключил виритта.

— В курсе! Потому что ты все испортила! — рявкнула

Ленор. — Ты... недалекая... жалкая... думающая только о себе!

Это я-то думаю только о себе?!

— Курица! — рывкнула я, бросаясь на нее.

Вот если так подумать, оттаскать сознание этой девицы за ее ментальные волосы — это ж какая практика для психиатра, но в тот момент было плевать. Разумеется, за волосы ее я схватить не смогла, равно как и она меня, пусть даже попытки были хорошие. Похватав воздух вокруг и сквозь друг друга, мысленно покусав друг друга за все, до чего можно дотянуться, в итоге мы застыли лицом к лицу, похожие как две капли воды, взъерошенные, яростные и одинаково злые. Честно говоря, я пыталась справиться с чувствами, чтобы хоть немного мыслить здраво, но сейчас получалось относительно. Как вспоминала, что она вообще устроила...

— А знаешь что, Лена? — язвительно протянула она. — Похоже, у тебя нет другого выхода кроме как сесть со мной за стол переговоров.

— Если бы я знала, как уронить тебе на голову стол переговоров, я бы это сделала, — мило улыбнувшись сообщила я. — С идиотами договариваться — себе дороже.

— Да нет, — ухмыльнулась Ленор. — Дороже как раз не договариваться. А знаешь, почему? Потому что ты меня совершенно не чувствуешь. Ты не слышишь моих мыслей и не представляешь, что я сделаю в следующий момент, а я... о, я, Лена, знаю о тебе абсолютно все!

Собиравшаяся уже послать ее по известному адресу, я осеклась. Потому что поняла: то, что она говорит, правда. Еще тогда, во время нашей первой встречи Ленор сообщила мне, что видит и чувствует все, что чувствую я. Что она постоянно, вместе со мной, проживает каждое мгновение моей жизни, а значит, она в курсе всего. А значит...

— И что ты собираешься делать? — поинтересовалась я. — Расскажешь всем, что я попаданка? Разрушишь мою жизнь, а заодно и свою?

Ленор покачала головой.

— Нет. Я же не дура.

Вот тут сомневаюсь.

«Услышав» мои мысли, она нахмурилась и выплюнула зло:

— Зато я могу рассказать всем про твою подружку. Хотя... это было бы слишком мелко! Дай-ка подумать... о! Вот! Когда-нибудь, когда ты снова внезапно отключишься — а с наибольшей вероятностью, этой же ночью, — она улыбнулась, — потому что я с каждым днем становлюсь сильнее и могу выходить, я проснусь вместо тебя. Трогательно разбужу твоего Валентайна и не менее трогательно ему все расскажу!

— И подставишь своего дорогого Люциана? — насмешливо поинтересовалась я, хотя внутри все похолодело. Что самое паршивое, Ленор это прекрасно чувствовала, потому что чувствует все.

— Не думаю, что Валентайн бросится его убивать, осо-

бенно учитывая, что он ушел в гарнизон. А вот ваши отношения будут разрушены, и в самое ближайшее время, — последнее она уже процедила со злобой мне прямо в лицо. — Если, разумеется, мы с тобой не договоримся.

От того, чтобы врезать ей прямо в нос, удержало только сознание, что не получится. Да и не решит это ничего, вот вообще ничего. Ленор действительно на это готова, каким-то образом я это чувствовала, а еще я чувствовала, что она становится сильнее. В прошлый раз рядом с ней я себя ощущала иначе, сейчас же...

Что вообще происходит?

Что это?!

— Чего ты хочешь? — спросила я, чтобы потянуть время.

Ленор хмыкнула. Отступила назад.

— Самую малость, Лена. Самую малость. Во-первых, никакого больше секса с Валентайном. Во-вторых, ты будешь делать все, и сделаешь так, чтобы он тебе поверил, что ты хочешь вернуть мое тело мне. И вы вместе найдете способ, если ты, разумеется, хочешь сохранить с ним хотя бы подобие чувств.

— Но я не смогу существовать вне тела, — произнесла я.

— А для того, чтобы найти новое, мне надо будет кого-нибудь убить, или... как ты вообще себе это видишь?!

— Честно? — Ленор прищурилась. — Мне плевать! Либо ищи себе новое тело, либо вали назад... Попаданка!

Что я там думала про чувство вины? Про то, что я захва-

тила ее тело?

Все это смыло потоком чистейшей темной магии, как будто изнутри подкрутили кран, и она хлынула в меня, выжигая тепло сердца, все чувства и даже любовь. Я снова почувствовала эту небывалую мощь, а еще власть, которую дарует эта сила. Власть над собой, над своим телом, над тем, чтобы вычистить из него эту заразу по имени Ленор Ларо. Ощущение было таким сладким и таким темным, что я ухмыльнулась, а Ленор неожиданно изменилась в лице. Конечно, изменилась. Она ведь все мысли и чувства мои читает.

— Что ты там говорила про попаданку? — поинтересовалась я.

Эта власть, эта сила, текущая по моим венам, заставляли чувствовать себя ве-ли-ко-леп-но! Не осталось ни угрызений совести, ни сожалений, только всеобъемлющая черная мощь, завязывающаяся узлом в районе сердца. Я сложила ладони, чувствуя струящийся между ними холод даже на ментальном уровне. Холод заполнял собой не только тело, он заполнял собой и сознание, и краски на холсте нашего общего сознания трескались, как старые фрески, обнажая лишь два цвета: пепельный и черный.

— Хватит, — прошептала Ленор. — Хватит!

Она, в отличие от цветов обстановки, не трескалась, оставалась единственным ярким пятном. Хотя как сказать — ярким, контуры ее тела тускнели все сильнее, сильнее и сильнее, она словно растворялась внутри моего разума, превра-

щаяся в призрака. Я улыбнулась — и сорвавшаяся с моих рук тьма рванулась к ней, чтобы стереть, растворить, уничтожить...

Меня рывком выдернуло из сознания, а потом, так же рывком — из меня выдернуло темную магию, как мощнейшим магическим пылесосом, втянувшим ее всю, что была, до последней капли. Я открыла глаза в руках Валентайна, его радужка была заполнена тьмой, которая прожилками впитывалась в белки, и смотрелось это дико, обжигающе, остро. На каких-то инстинктах я потянулась к нему, чтобы врезаться губами в губы, вцепиться в них, кусая и чувствуя на своих губах кровь. Вместо магии во мне была пустота, и она хотела быть заполненной. Хотела обратно то, что принадлежит мне. Хотела впитать силу, ощущать которую было так остро, а еще хотела этого мужчину. Без нежности, без любви, яростно-жарко, до безумия. Порочно.

Наш поцелуй и был таким.

Порочным, животным, диким. Словно мы брали друг друга, невзирая на то, что вкус джмерга на наших губах смешивается с кровью.

Первым в себя пришел Валентайн, рывком оторвав от себя.

— Лена, — хрипло произнес он. — Лена...

Меняясь на глазах, словно собираясь заново из тающих черных осколков, его радужка становилась темной, но не черной. Искры серебра, испаряющие ее, тоже погасли, и

спустя пару мгновений я смотрела в совершенно обычные глаза. Человеческие, если так можно выразиться. Смотрела и видела в их отражении себя. Как светлеют мои. Как черты лица становятся более мягким, как стирается с губ хищная улыбка.

— Лена, — уже громче повторил Валентайн. — Ты как? Что произошло?

Ленор произошла! Хотя сейчас я с ужасом осознала, что не приди Валентайн, Ленор бы уже не было. А я? Что насчет меня? Во что меня могла превратить темная магия?

Я сталкивалась с ней уже не первый раз, но никогда не ощущала над собой такой власти. Или, точнее сказать, никогда не ощущала в себе такой власти? Этого безумного, наполненного силой могущества, права казнить и миловать по щелчку пальцев.

— Лена! — Валентайн встряхнул меня, и я дернулась в его руках, как тряпичная кукла. — Что с тобой произошло?

Мы так плотно вжимались телом в тело, что сейчас я едва ли могла чувствовать, где заканчиваюсь я, и начинается он. Это слияние, почти интимное, довершал тот факт, что одежда на мне практически полностью растворилась. От его тоже остались лохмотья и, кажется, пара валяющихся на кровати запонок. Почему-то осознание этого ударило по нервам сильнее всего, и я хихикнула.

— Что смешного? — нахмурился Валентайн.

— Запонки.

— Что?

— За... запонки, — я ткнула в поблескивающие аксессуара, а он, пересев поудобнее, устроил меня в своих объятиях. Будто вслед за магией хотел впитать и дрожь моего тела, с которой сейчас мог посоперничать малярный озноб. Интересно, у них тут есть малярные комары?

Слава всем кому только можно, что Валентайн больше ни о чем не спрашивал. Просто сидел, обнимая меня и покачиваясь, и я покачивалась вместе с ним. Как на волнах, наверное, если закрыть глаза. Я и закрыла, прислушиваясь к гулким ударам сердца, которое несколько мгновений назад напоминало ледяной сгусток. Такой же ледяной, как комок снега, если сжать его в ладони без варежки.

— Ленор, — тихо сказала я спустя какое-то время. — Я разговаривала с Ленор. И это случилось.

— Осознанно? Или снова заснула?

— Не знаю. Я просто захотела с ней поговорить, попыталась... и провалилась в наше сознание.

— Что такого она тебе сказала, что в тебе проснулась такая тьма?

Сказала, что хочет запретить мне быть с тобой. Сказала, что если я этого не сделаю, то она все расскажет про себя и Люциана. Точнее, про меня и Люциана. Я поморщилась.

— Сказала, что ей нужно ее тело, и что она ни перед чем не остановится, чтобы в него вернуться.

С одной стороны, я могла бы ее понять. С другой... нет,

точно не после такого. Дружбы с Ленор у нас не выйдет.

— Нам нужны архивы твоей матери. То есть Эвиль Ларо,
— поправился Валентайн. — И как можно скорее.

— Ты правда считаешь, что мы можем быть половинками поделенного сознания?

Или... сил? Если Ферган хотел избавиться от темной магии в Сезаре, возможно, Эвиль хотела того же?.. Но как? Почему? Я ведь человек, в смысле, Ленор человек. В ней нет драконьей крови, она не может быть темной.

— Чем считать что-то, лучше изучить материалы, и все узнать напрямую, — Валентайн отпустил меня только для того, чтобы завернуть в покрывало. Меня все еще трясло, поэтому сейчас я была искренне ему благодарна. — Я уже запросил личные архивы ее родителей, конфискованные после их смерти.

— Думаешь, там что-то есть? — я вздохнула. — Вряд ли в семейных архивах будет храниться такое.

— Но какая-то зацепка там может быть, — произнес он, и сменил тему. — Напугала ты меня, Лена. Обсуждаю с Керуаном и Драконовым экономическую ситуацию, точнее, возможные последствия после обнаружения Лэйтора, и тут чувствую, как тебя заполняет тьма.

— Ты прямо это почувствовал? — изумилась я.

— Да. У меня в принципе обострилось восприятие, а тебя я чувствую как себя.

Тем не менее Люциана и наше с ним, тьфу, Ленорино с

ним сексуальное марафонство Валентайн не почувствовал. Значит, ее он не ловит. Когда она «за рулем», наша связь прерывается.

И на том спасибо.

— И я чувствую, что твоя сила стремительно возрастает, Лена. Так же, как моя.

Я поежилась.

— Я тоже это почувствовала. На миг показалось, что все, я уже стала темной. Хотя я не могу быть темной... я же человек.

— По ощущениям ты была темной, — «обрадовал» Валентайн. — И чем дальше, тем чаще мы сталкиваемся с такими проявлениями твоей магии. Вспышки становятся чаще.

— Обещаю, это больше не повторится! — воскликнула я. — Я просто... упустила момент, который меня переключил. Я помнила, как ты учил меня брать ее под контроль, и я с ней справлялась. У меня все работало. Просто сегодня...

Сегодня я не в форме, потому что Ленор потрахалась с Люцианом, а я все это должна разгребать.

— В общем, это больше не повторится. Клянусь. — Я взяла его за руку, понимая, что он опять меня спас. Представить, во что вылилось бы проявление моей темной магии в Академии, особенно перед судом, я не могла. Да и не хотела. Еще больше я не хотела терять себя, превращаться в ту, кого я помнила слишком хорошо.

В ту, кому все равно.

Кому все равно даже на то, что Ленор что-то расскажет Валентайну, потому что ей глубоко безразлично, что он там узнает.

В ту, кто легко способен убить, просто потому что может. Пусть даже ментальную проекцию, или кем там была Ленор. А я ведь уже испытывала нечто похожее рядом с Хитаром...

Бр-р-р.

— По-моему, нам пора домой, Лена, — Валентайн точно почувствовал меня сейчас. — Тебе нужно отдохнуть, а мне нужно быть рядом. Просто быть рядом.

Отдохнуть мне точно нужно было. А еще я даже не боялась заснуть. Просто потому, что Ленор сегодня наглядно поняла: ей Валентайн нужен не меньше, чем мне. Банально для того, чтобы спасти ее трусливую мелочную жопу, которая родилась, чтобы гадить.

— Пойдем домой, — я потянулась к его губам пальцами, коснувшись ранки, нахмурилась. — Прости.

— Мне нравится, когда ты кусаешься, — сообщили мне. — Правда, когда ты делаешь это осознанно, но в целом — продолжай.

Я смущенно уткнулась лбом ему в плечо, а потом, прикрывая себя и остатки формы покрывалом, сползла с кровати. Чтобы позволить Валентайну тоже подняться и открыть портал.

Глава 5

Тэйрен Ниихтарн

— Ну и что мне с тобой делать? — лениво поинтересовался Адергайн.

Тэйрен знала его слишком хорошо, чтобы понимать, что под тщательно удерживаемой маской безразличия скрываются тленные угли ярости. Да, безразличия в ее брате было хоть отбавляй, темная магия дотла выжгла в нем любые намеки на чувства, взамен оставив подачку в виде ледяной злости, подпитываемой яростным пламенем. Они существовали в нем в спящем состоянии и срабатывали исключительно когда речь заходила о том единственном, что было дорого Адергайну. О его безграничной власти.

Вот и сейчас от короткого всплеска подавляющей силы застывшая вдоль стен стража, велиферты, безмолвно склонили головы. Призванные вассалы, тоже маячившие в Серебряном зале черными изваяниями, с трудом справились с порывом сделать то же самое. Она понимала это как никто другой, потому что даже она, почти равная ему по силе, сестра-близнец одной крови с ним, ощутила такой же порыв. На нее удар его мощи был направлен в первую очередь, но она все равно осталась стоять, вскинув голову. Возвращая ему прямой насмешливый взгляд.

А ведь у нее почти получилось! Она смогла, почти добра-

лась до границы, но в планы Адергайна не входило ее отпускать. Не сейчас, когда он был настолько близок к своей цели, но на его истинную цель Тэйрен было плевать. Все, что ее волновало, тот, кто ее волновал — единственное дорогое ей существо во всем мире, тот, кто даже не знал ее, а по словам своего отца наверняка ненавидел — ее сын.

Она совершила много ошибок, в частности, сначала поверив Фергану. Поверив в искренность его чувств и желание быть с ней, которое сломалось о волю общественного мнения так же быстро, как хрупкая соломинка под нажимом пальцев. Второй раз — поверив, что он ее защитит, если она примет удар на себя. Ее черная страсть была как нельзя кстати, прислуга видела ее приступы, а защитить того, кого любишь, казалось таким правильным и простым. Правильным тогда казалось сбежать, оставив ему своего сына.

Которого она почти не помнила — в памяти остались лишь обрывки прикосновений, улыбка и крохотные пальцы, которые она сжимала в ладони. Давно Тэйрен не позволяла себе вспоминать, а когда позволила вспомнить... позволила после всего, что увидела, после всего, что случилось потом: ее сын точно так же стал заложником Фергана и его амбиций, как в свое время она.

Правду говорят, что между темными и светлыми разница лишь в цвете магии.

Может быть, у них не бывает черной страсти, но тьмы в них хоть отбавляй. Собирай, сцеживай, сохраняй на память

и показывай как пример того, что никогда нельзя остаться у власти, не замарав рук.

Именно в тот момент она поняла, что должна бежать. Должна оказаться рядом с ним, должна предупредить. И ведь ей почти удалось уйти, она запутывала следы так, что даже Адергайну не под силу было ее почувствовать. Даже тому, с кем кровная связь сильнее любых заклинаний. Она сделала для этого все, используя магию и переходы Загранья, почти растратив ресурс, вложив в это все силы. В Загранье стираются любые следы, и она была у самой границы, когда ее настиг он.

В Мертвых землях его боялись немногим меньше, чем ее брата, правой рукой которого он был.

Личная ищейка Адергайна Ниихтарна, его следопыт. Судья, палач и исполнитель, среди темной аристократии по его поводу даже ходила черная шутка. Если за тобой пришел призрачный мясник, ты еще можешь выжить. Если Хааргрэн Файтхард — нет.

Сейчас он стоял за ее спиной, в какой-то паре шагов, но его близость Тэйрен ощущала всей кожей. Ненависть к нему была столь же сильной, сколь и к восседавшему на троне брату, решившему наказать непокорную сестру при всех. В том, что Адергайн стал все чаще собирать вассалов и аристократию, готовую ради него на все, тоже был знак скорого исполнения его планов. В том, что он решил выдернуть ее на показательную порку — тоже.

Он мог все решить между ними: мог, но не стал, и Тэйрен сложила руки на груди, чувствуя, что ее начинает потряхивать. Показать, что для его власти не имеет значения, кто провинившийся — именно этого сейчас добивался Адергайн, и это рождало в ней еще большую ярость.

Ярость и знание, что даже несмотря на столько потерянных лет, за своего сына она готова бороться. С Ферганом и с ним.

Пламя мерцающих серебром стен бликами играло в глазах брата, и сейчас становилось уже непонятно, это предвестники зарождающейся магии или дань обстановке. Высокие замковые стены, мрачные витражи окон и гобелены, тщетно пытающиеся защищать камень от холодов и смерти, давили с его взглядом все сильнее.

Сильнее, сильнее и сильнее, но Тэйрен продолжала смотреть на него в упор. Не опуская головы и не отводя глаз. За их поединком следили все, и она не без удовольствия отмечала, как ярости в Адергайне становится больше. Она нарастала подобно лавине в горах, лишала его привычной властительной снисходительности. Молчание в ответ на его вопрос само собой было дерзостью и неповиновением, и Тэйрен видела, что несмотря на страх перед братом, взгляды темных аристократов покалывают плечи и спину, тянутся к ней.

Она так увлеклась этим молчаливым противостоянием, что не сразу поняла смысл донесшихся из-за спины слов:
— Отдайте ее мне.

По залу прокатился рокот слившегося воедино вздоха сотен голосов, она разъяренно обернулась, чтобы понять, кто осмелился на такое... Но тут даже понимать было нечего. Хааргрэн Файтхард стоял, глядя поверх ее головы, как будто она не была сестрой верховного эрда Мертвых земель. Стоял и смотрел на ее брата, выпрашивая ее, как... как кого? Какую-то служанку? В подарок? Или в награду за труды?

Высокий — ростом с ее брата, с чешуей, взбиравшейся по верхней половине лица, как маска, и застывшей над головой наростами игл, как боевой шлем, с широкими плечами, на которых одежда с черным запахом плаща казалась лишней, потому что броня чешуи с двух сторон сползала по шее к ключицам. От нее расходились черное плетение узоров, спрятанное под походным камзолом. Такая внешность досталась ему после оборота, который Хааргрэн собирался совершить в детстве. Забавы ради его старший брат набросил на него заклинание, прервавшее оборот, и магия, замкнувшись в теле ребенка, навсегда оставила его полудраконом без возможности вернуться к привычной внешности или совершить оборот полностью.

И вот сейчас это... этот! Перевел взгляд на нее и посмотрел на Тэйрен как на какую-то вещь!

От ярости потемнело перед глазами, и это сломало хлесткое дуэльное напряжение между Адергайном и ней. Потому что предложение ищейки было еще большей дерзостью, если не сказать оскорблением. Любого другого ее брат разма-

зал бы за такое, обратил прахом на месте, но сейчас он лишь приподнял бровь, уголок его губ изогнулся в усмешке, когда он понял, насколько это ее задело.

Очередная ошибка, запоздало поняла Тэйрен.

Но исправить уже ничего не смогла.

— Просишь мою сестру, Хаар? Зачем она тебе? — Адергайн поднялся.

Черный, светящийся серебром трон, мгновенно «остыл», словно впитав всю тьму со всех уголков этого зала. Которой, несмотря на название, здесь было бесконечно много.

Верховный эрд спустился к ним по ступенькам и остановился в двух шагах от нее. Теперь Тэйрен ощущала всей кожей еще и его, и, зажата между двух мужчин словно в тиски, на миг почувствовала себя добычей обитающих в Мертвых землях хищных тварей.

— Это даже не смешно! — выплонула Тэйрен. Резко развернулась, собираясь уйти, но на плечо тяжело легла рука брата.

— Я тебя не отпускал, Тэя, — в ледяном голосе слышалось едва уловимое рычание. Адергайн снова перевел взгляд на Хааргрена, и тот ответил:

— Буду учить ее почтению, раз уж ни на что другое она не пригодна.

После этих слов в зале повисла такая тишина, что ее можно было резать ножом. Тишина, которую Адергайн разрядил коротким смешком:

— Да, пожалуй. Забирай. — Он толкнул Тэйрен прямо в покрытые чешуей руки, и зал взорвался выдохом облегчения и смешками.

Они смеялись над ней! Над... над кровью, над сестрой верховного эрда! А он...

— Позволишь смеяться над собой? — рванувшись из рук Хааргрена, выплюнула она в спину уже успевшему развернуться брату. — Это над тобой они смеются, когда смеются надо мной! В этом наше основное отличие, потому что я никогда никому не позволю издеваться над моим сыном и использовать его в своих планах. Даже тебе!

Адергайн обернулся, и серебро сияния вздрогнуло, заколебавшись штормовыми волнами. Вместе с ним, казалось, вздрогнул весь зал и все присутствующие, которым разом расхотелось смеяться. Велиферты разве что со стенами не слились, вцепившись в свои тленные алебарды, а Адергайн, вперив в нее почерневший взгляд, произнес:

— Пожалуй, обучение стоит начать прямо сейчас, Хаар. — Его слова крошились как камень под ударами тлена. — Накажи ее. Прямо здесь.

Тэйрен задохнулась от прозвучавшей в словах брата жестокости. Нет, она давно не тешила себя мыслью, что значит для Адергайна хотя бы что-то, но ведь что-то же должна была значить ее кровь! Она, родись она тоже мальчишкой, была бы наравне с ним во всем, претендовала бы на престол! Но то, что природа позабавилась, сделав ее женщиной, очевидно,

решало все. Потому что по залу снова пронесся гул смешавшихся воедино голосов, но ни от кого из присутствующих, ни в ком из них Тэйрен не ощущала даже минимальной поддержки. Скорее — диковатое возбуждение близостью интересного зрелища и настороженность: как двигаться и что говорить, чтобы не оказаться на ее месте? Никогда не оказаться на ее месте.

В руках Хааргрена она была как в оковах, открывать портал было бессмысленно. Еще бессмысленнее было пытаться ударить его заклинанием: на таком расстоянии любой рикошет вопьется в тело с немыслимой силой, ударив отдачей по ней едва ли не сильнее, чем по нему. Поэтому все, что ей оставалось, это прошипеть:

— Пусти меня! Отпусти немедленно! — вложив в голос всю свою ненависть и все презрение, которое носила в себе с самого детства.

Она помнила, как Хааргрэн впервые появился в их замке: его отец, решив, что такой уродец ему в доме не нужен, хотел от него избавиться, но так получилось, что свидетелем этого стал Адергайн. Он выпросил у Верховного эрда, их отца, Хааргрена как новую для себя игрушку. Тэйрен помнила, что когда озлобленный, яростный и полудикий недодраконенок впервые появился в их замке, она пришла познакомиться с ним. Пришла, а еще притащила самое вкусное, сладости, которые очень любила сама. В ответ Хааргрэн швырнул в нее подносом и велел убираться, и никогда больше не прибли-

жаться к нему. Тогда он рисковал тем, что отец вполне мог бы свернуть ему шею, но Тэйрен не пошла жаловаться. А Адергайн незаметно увлекался своей игрушкой все больше и больше, и вот уже Хааргрэн мог появляться на встречах наравне с остальными детьми аристократов.

Отец находил это забавным и не противился, Адергайну никто из его друзей перечить не мог, а Хааргрэн готов был за него перегрызть глотку любому. Любому, кто косо посмотрит или попытается сделать против него хотя бы что-то. Детские игры жестоки, особенно если это детские игры темных, и временами зазнававшихся аристократов выносили с переломанными носами, в мясо разбитыми лицами или полупридушенными заклипаниями, которые Хааргрэн впитывал на занятиях вместе с ее братом. Все жалобы от их родителей отец отклонял: по рождению Хааргрэн тоже был аристократом, к тому же, если в Мертвых землях кто-то не мог за себя постоять, это считалось признаком слабости. Тэйрен же ненавидела его с каждым днем все сильнее. Во-первых, потому что он неизменно считал девочку ниже себя и не стеснялся это показывать презрительными ухмылками, во-вторых, потому что он стал гораздо ближе к Адергайну, чем она. Его сестра-близнец.

Тэйрен больше не пыталась принять того, кого принял ее брат, а все насмешки возвращала вдвойне. Била как можно больнее, присутствия других не стеснялась, и вот, похоже, настала его пора.

Сейчас, когда на глазах у всех родной брат приказал ее наказать. Потому что в ответ на ее рывок покрытые чешуей ладони сомкнулись еще сильнее. Впиваясь в запястья, жала нежную кожу. Она не успела даже вздохнуть, когда ее толкнули к зубом вспоровшему зал каменному выступу, впечатав всем телом в его жесткую шершавую поверхность, а после — банально через него перегнув.

Осознав, что он собирается делать, Тэйрен забилась в жестком захвате, но вырваться из него не представлялось возможным. Во-первых, пока одна ладонь давила на талию, вторая давила на шею. Сломать которую Хааргрэн мог, лишь надавив посильнее — и позволив камню врезаться в хрупкое горло. Опасная щекотка тлена, избавляющая ее от одежды, сопровождалась шипением, и это сейчас было единственным звуком, который разносился по замершему в молчании залу.

Несколько мгновений — и она уже была полностью обнажена, но что самое ужасное, древний инстинкт темных: ярость, боль и злость, катализаторы возбуждения, сработали именно так, как веками работала черная страсть. Темная магия со временем выжигает чувства, а когда входит в полную силу, остается лишь даруемое ей могущество, и только через него они могут получать наслаждение. Через него и через физический контакт, становящийся с каждым разом все более и более жестким, поскольку только так тело темного способно дать отклик.

Вот и сейчас, сквозь ненависть и звенящее рваным пуль-

сом в ушах унижение Тэйрен чувствовала накатившую в низ живота горячую тянущую пустоту. Которую немедленно хотелось заполнить мужчиной, пусть даже самым ненавистным из всех, и это отразилось сжавшимися в комки сосками, ощутившими каждую точку прикосновения к холодному шершавому камню, и запахом.

Даже сама она почувствовала, как изменяется ее тело, готовое принимать мужчину, хотя у нее давно никого не было. Возможно, все дело было в этом. В том, что она слишком давно не была ни с кем, не подпускала к себе никого, хотя прислужники вились вокруг нее в замке брата, готовые на все.

Еще одна ошибка!

Позволяй она себе секс регулярно, сейчас не сжимала бы зубы, пытаясь справиться с унижительно-предательской дрожью от скольжения чешуйчатой ладони по обнаженной спине.

— Ты так сладко пахнешь, Тэйрен, — насмешливо произнес Хааргрэн, полоснув привычным пренебрежением, — что даже не представляю, будет ли это для тебя наказанием.

— Не принимай на свой счет, — распластанная по камню, она все же нашла в себе силы обернуться и посмотреть ему в глаза. — Я просто слишком давно не трахалась.

По недоизмененному лицу прошла странная судорога, будто ее словам все же удалось достичь какого-то дна его существа, хотя на самом деле это была очередная насмешка.

А в следующий миг щелкнула пряжка ремня, и тело взорвалось не то болью, не то удовольствием, безграничной наполненностью, словно порвавшей ее на две части и заставляющей чувствовать себя в эти острые унижительные мгновения бесконечно живой.

Даже побег к Сезару не был для нее таким ярким, как это животное, бесстыдное, показательное совокупление, призванное заставить ее почувствовать себя ничтожной и маленькой. Тэйрен вцепилась в ледяной камень, как в какую-то последнюю границу, способную удержать, не позволить сорваться в черную пропасть, за которой перестанет быть важным абсолютно все.

Она цеплялась за те крохи сознания, в которых еще верила, что сможет изменить свою жизнь. Свою суть. Что имя Орина Фаррей для нее станет началом новой жизни, что любовь к светлому дракону позволит ей удержаться на краю. Не позволила, и сейчас, с каждым движением бедер, причиняющим в равной степени боль и звериное наслаждение, Тэйрен снова и снова теряла себя, растворяясь в природной тьме, которая стала неотъемлемой ее частью.

И даже когда все закончилось, когда он, нажав на определенные точки на ее теле, не позволил ей кончить, она продолжала дрожать от этой черной жадности, заполняющей все ее существо. С ненавистью смотрела на него: стянув полы наброшенного на плечи плаща до треска, а потом швырнув одежду ему в лицо, Тэйрен расхохоталась. В лицо ему, в лицо

брату, в лица всем присутствующим, свидетелям того дня, когда она перестала быть сестрой Верховного эрда.

— Чтобы при дворе ее я больше не видел, — глядя на нее сверху вниз, произнес Адергайн. — Но если вдруг она перейдет границу светлых, ответишь ты. Головой.

Он развернулся к трону, давая понять, что представление окончено, а в следующий миг портал и рывок Хааргрена уже перенес Тэйрен в его владения. В один из бесконечных каменных коридоров, наполненных холодом и темнотой, а комната, в которую он втолкнул Тэйрен, напоминала спальню с той лишь разницей, что была украшена цепями: у стен, на потолке, над кроватью.

— Вижу, ты основательно подготовился, — снова хохотнула она, а потом плюнула ему в лицо.

Хааргрэн не успел увернуться, вытер скулу тыльной стороной ладони и подтащил Тэйрен к кровати. Запечатав ее руки в браслеты, отступил, холодно произнес:

— Побудешь здесь так, пока не остынешь, — и направился к двери, оставляя ее одну, с ноющим от страсти, дрожащим от напряжения, так и не получившим разрядки телом. Полностью обнаженную, с заведенными над головой руками, которые из-за расположения цепей ни сдвинуть, ни опустить не получится.

Не получится даже прикоснуться к себе! Не получится использовать магию, чтобы освободиться: браслеты были из нивелирского металла, дополненные мощной рунической

вязью. Это Тэйрен поняла, запрокинув голову, и зашипела сквозь зубы.

От бессилия.

От отчаяния.

Потому что она не только не помогла сыну, но еще и лишилась свободы. Относительной, но все же свободы.

— Я убью тебя, — процедила она ему в спину. — Я убью сначала тебя, а потом его.

Хааргрэн остановился. Обернулся. Посмотрел на нее долгим взглядом сквозь прорези полумаски-чешуи.

— Возможно, — ответил он безразлично. — Только не ошибись с порядком убийств, Тэйрен.

После чего развернулся и вышел за дверь.

Глава 6

Лена

— Все. Это было последнее, — я вздохнула и сдвинула магический лист в сторону, погасив виритту.

Валентайн, сидевший за столом, перевел на меня взгляд.

— Расстроилась?

— Нет, — соврала я.

Он покачал головой.

— Ну ладно. Немного.

В семейных архивах (документации Эвиль и Симеона Ларо) было много всего, но ничего такого, что могло бы хотя бы навести на мысль, что, откуда и как. Никаких личных заметок, дневников или хотя бы малейшего намека на то, как мы с Ленор можем уживаться в одном теле, почему на ней оказалась сеть Грихмира, и как я, шмякнувшись в ее тело, не выдавила ее сразу, даже если она осталась жива. Либо как она не выдавила меня, как нам вообще удастся сосуществовать в одном теле — ведь прошел уже почти год. По словам Валентайна, одна из нас должна была уже взять верх, точнее, должна была взять верх сразу же, а вторая исчезнуть без следа, но я и тут выпендрилась. И — никаких объяснений этому! Честно говоря, я бы тоже не стала хранить такое в семейном архиве, но, просматривая документ за документом, все же надеялась.

Надеялась на то, что вот в следующем обязательно что-то найду, и, когда не находила, испытывала жуткое, холодающее разочарование. Именно разочарование, потому что по договоренности с Валентайном я снова носила браслеты. Металлические обереги не только справлялись с темной магией, которая во мне росла не по дням, а по часам (Валентайн «проверял» меня каждый день), но и защищали от любой магической атаки.

На таких условиях я снова смогла ходить порталами, а браслеты он создал новые, более тонкие, на которые лично нанес мощную руническую вязь. В общем, пришлось смириться с новыми аксессуарами и подбирать себе образы в соответствии с ними. Но так, по крайней мере, было спокойно и мне, и ему.

Для меня в домашнем кабинете Валентайна появился диван, чтобы я могла работать вместе с ним над поисками по ситуации с Ленор, на котором я сейчас и сидела, поджав ноги.

— Это не последняя наша возможность, Лена, — Валентайн поднялся, подошел ко мне, сел рядом.

— Не последняя? А какая есть еще?

— Еще есть вариант поговорить с Ленор. Через твое подсознание. Возможно, я что-то почувствую или что-то уловлю при непосредственном взаимодействии с ней...

— Нет, — поспешно сказала я.

— Нет?

— Не хочу больше чувствовать ее в себе, пока не найду способ, пока точно не буду знать, что это разрешимо. Ты представляешь себе, каково это — знать, что у тебя в теле завелась... — я хотела сказать «паразитка», но вовремя себя одернула. — Другая личность.

— Не представляю и не хочу представлять. Но ваш феномен поистине уникален, — Валентайн коснулся моей щеки, погладил.

— Еще немного — и я решу, что тебе это нравится!

Валентайн хмыкнул.

— Нет, мне это не нравится. Иначе бы я не проводил столько времени, изучая архивную документацию Ларо. Но при всем при этом я не могу не признать, что для науки и для мира в целом вы представляете небывалый исследовательский интерес.

— Да, если бы я жила в своем мире, меня бы уже посадили в лабораторию и изучали.

— Если бы кто-то узнал об этом в нашем мире, можешь мне поверить, тоже. Хорошо, что об этом знаю только я.

Я мысленно икнула. Потом перевела взгляд на насторожившегося Валентайна, который явно это почувствовал.

— Еще Соня, — сказала я.

— Соня знает? — Он прищурился.

— Да! Она моя лучшая подруга, и секретов друг от друга у нас нет. Но можешь не волноваться, она никому не скажет.

Валентайн покачал головой.

— Как была безответственной, так и осталась.

— Что? — вскинулась я, подскакивая.

— Да шучу я. — Валентайн дернул меня назад, и я больно приземлилась попой ему на колени. — Я знаю, что вы лучшие подруги, Лена, и я знаю, что ей можно доверять. Но не всегда можно доверять тем, кто рядом. Возможно, рядом с ней появится тот, кому ей захочется довериться, а этот кто-то сочтет твой секрет опасным.

— Ты сейчас про Сезара? — теперь прищурилась я.

— Гипотетически — про любого, кто станет ей достаточно близок, чтобы поделиться секретом, важным для тебя.

— Это потому что ты рассказал мне секрет Сезара? О том, что Эвиль работала над разделением его личности?

— Считаешь, не должен был? — Он нахмурился.

— Считаю, что я не побежала рассказывать об этом никому. Даже Соне. Не думаю, что она пойдет говорить об этом с кем-то, кому не будет доверять на сто процентов. Так, как ты доверял мне, когда говорил об этом. Давай пока работать с тем, что есть сейчас, а не с гипотетическими угрозами. — Я положила руки ему на плечи. — И больше не называй меня безответственной. Даже в шутку. Мне это неприятно.

Валентайн закатил глаза, и я стукнула его плечу.

— Не буду, — пообещал он, мягко касаясь губами моих губ.

Я позволила себе поддаться этому поцелую, скользнула в него. Браслеты мягко впились в запястья, когда я коснулась

пальцами его шеи в ласкающем жесте. Напоминая о том, что я его. Насколько я его. А он — мой.

— Есть еще один способ, Лена. Способ узнать, что произошло, что сделала Эвиль.

— Какой? — я даже вцепилась пальцами в его плечи от неожиданности.

— Поговорить с твоей матерью напрямую. Во тьме Загранья.

Во тьме Загранья? То есть...

— То есть с ее призраком? — уточнила я. Хотя по коже пробежал холодок даже от самого предположения о том, что можно разговаривать с мертвыми. И вроде я была не робкого десятка, а сама даже изучала возможности вернуть Соню, когда она умерла, но сейчас стало настолько не по себе, насколько вообще возможно.

— Не совсем. Призрак — это неупокоенная душа, которая бродит по миру. С ними, чисто теоретически, общаться довольно-таки легко.

В этот момент я поняла, что, кажется, не знаю даже половины из того, чем является темная магия. Про призраков у нас разговоры как-то не заходили, не доводилось.

— Почему ты никогда не говорил мне про призраков?

— Потому что не было необходимости, — Валентайн пожал плечами. — Если тебе интересно, я расскажу, но если кратко: ни один призрак по доброй воле не приблизится к темному, потому что он стремится чувствовать себя живым.

Рядом с нами же они явственно ощущают себя мертвыми, теми, кто вот-вот отправится в Загранье, по собственной воле или по нашей. Поэтому стараются держаться подальше.

Так, ладно. Краткий экскурс в теорию призраков я еще успею себе устроить, сейчас и так голова пухнет от обилия предэкзаменационной информации, Ленор, а теперь вот и еще архивных документов ее родителей.

— Тогда что такое поговорить во тьме Загрянья?

— Это обращение к умершему через тело. Восстановление слепка воспоминаний через соединение с остаточной сутью человека, с его личностью, которой он был.

— Бр-р-р, — я поежилась.

— Да. Это темный ритуал, Лена, и он требует очень глубокого погружения. Мне придется на время подчиниться тому, что бежит по моим венам вместе с кровью, глубинной тьме.

— Давай тогда все-таки с Ленор сначала попробуем, — быстро сказала я. Не хотела, чтобы Валентайн в это окунался: стоило только вспомнить, во что превратилась я... А ведь он почти всю жизнь с этим борется. С самого рождения. Особенно — сейчас, когда темная магия в нем становится все сильнее. Или в нас?

— Ты думаешь, мы усиливаем тьму друг друга? — спросила я.

— Думаю, да.

— Спасибо, что не солгал.

— Но еще я думаю, что мы усиливаем друг друга в прин-

ципе. Поэтому логично и закономерно предположить, что каждая из наших сторон набирает мощь. Конкретно темная магия тут ни при чем.

Вздохнуть бы уже! С облегчением. Но похоже, что покой мне только снится. Хотя, в последнее время он мне даже и не снится уже. Спасибо, что не снится Ленор. Пока.

Кстати, о ней.

— Дай мне время сдать экзамены, — и время подготовиться к очередному разговору с этой занозой в заднице. Кстати, до Ленор я ни разу не представляла, что чувствует тот, у кого в ягодичной мышце застряла острая колющая щепка. Теперь весь спектр этих ощущений был мне доступен, на ментальном плане. Но все-таки. — И потом попробуем вместе, или ты попробуешь поговорить с Ленор. Прощупать ее. Может быть, пойдем все без похода в Загранье.

— Мне бы тоже очень этого хотелось, — Валентайн огладил ладонью мое плечо, разом вызвав совершенно иной спектр ощущений. — Но если потребуется, я пойду и в Загранье. Ради тебя я пойду куда угодно, Лена.

В сочетании с его словами прикосновения вызывали целый мурашечный каскад. Ведь зарекалась же надевать платье с открытыми плечами! Но лето началось такой жарой, что впору вообще безо всего ходить. А еще, если так подумать, это мое первое лето в Даррании. Мое первое совместное лето с этим невероятным мужчиной.

— О чем задумалась? — Валентайн положил подбородок

мне на плечо.

— Тебе бы понравилось. Там присутствовали слова «невероятный мужчина» и ты.

— Да. Ты права. Мне действительно нравится, — он развернул меня лицом к себе, и мне пришлось развести бедра и сесть поудобнее.

Его взгляд плавил мой, раньше я даже не представляла, что кто-то будет смотреть на меня так. Так, что кожа покрывается мурашками в несколько слоев, а все внутри стягивается пружинкой чувственного предвкушения.

Кажется, мне пора пойти дальше. В смысле, вернуть то, чего я лишилась по милости Ленор, после ее ночи с Люцианом. И я подалась вперед, целуя его и расстегивая рубашку. По случаю жары он даже не стал как обычно запаковываться в костюм и жилет, поэтому спустя мгновение мои пальцы уже скользили по его груди, повторяя рельеф мышц.

— А как же подготовка к экзаменам? — спросил Валентайн. Его голос упал на несколько октав, становясь как горячий ветер, играющий песком, но даже эти нотки не скрыли сарказма. При малейшей попытке близости я действительно отговаривалась подготовкой к экзаменам, сбегала в учебники или к Соне позаниматься (Драконов даже не возражал, чтобы мы учились у него дома).

— Не знала, что ты такой злопамятный, — заметила я, продолжая скользить ладонями по его животу вверх-вниз. — Но если тебя именно это интересует, к экзаменам я уже

готова. Первый завтра, и все равно все, что я знаю, уже в моей голове. А знаешь, что еще в моей голове?

— Не сейчас, — он уже расстегивал мое платье. — Так что могу только догадываться.

Я глубоко вздохнула, когда Валентайн освободил мою грудь и накрыл ее ладонями. Сначала мягко, а потом чувствительно стянул пальцами соски, оттягивая их. В отместку я дразнящим движением коснулась весьма ощутимой выпуклости на его брюках и тут же убрала руку.

— Издеваешься? — глухо переспросил он.

— Играю, — хихикнула я. И вызывающе поерзала, прижимаясь к нему разведенными бедрами.

— Ну знаешь ли! Нашла себе игрушку, — наигранно-хрипло возмутился Валентайн. В смысле, возмутился наигранно, а вот от хрипотцы в его голосе кожа словно превратилась в оголенный нерв, поэтому от мягкого нажима его пальцев я сдавленно застонала.

Потянулась к пряжке ремня, расстегивая брюки. Что было достаточно сложно делать, когда твоя грудь превратилась в источник чувственного удовольствия, а пальцы дрожат от предвкушения продолжения. Валентайну явно нравилось видеть меня такой, потому что когда в его потемневших глазах отразилась взъерошенная, интимно-откровенная я, меня окончательно повело.

Я даже дернулась, прикоснувшись к его обнаженному напряженному желанию пальцами, словно эта ласка обожгла

меня так же сильно, как его. Валентайн потянул меня на себя, вжимая телом в тело, и моя ладонь между нашими телами сомкнулась на твердом стволе.

— Ле-е-е-ена, — хрипло выдохнул он. — Что ты со мной делаешь, Лена...

— В данный момент или вообще?

Валентайн так сверкнул глазами, что я на миг представила себя опрокинутой кверху попой прямо на этот диван и взятой с такой интенсивностью, что потом неделю ходить не смогу. Эта картинка настолько ярко полыхнула в моем сознании, что я даже на миг зажмурилась. Еще сильнее зажмурилась, когда услышала:

— Мы обязательно это как-нибудь реализуем.

— Ты! — ахнула я, ударив его ладонью в грудь, и Валентайн рассмеялся. Так низко, бархатно и глубоко, что его смех ударил в меня животной вибрацией.

— Не смей подсматривать! — тем не менее выдохнула я, открывая глаза. — Особенно в такие моменты.

— Ты сама показала мне это.

— Уверен?

— Уверен, — его ладони легли на мои бедра, прямо поверх платья. Потом скользнули между ними, испепеляя белье.

— С тебя трусы, Валентайн Альгор, — не удержалась я.

— Да хоть десять.

Дольше мы бы оба не выдержали, поэтому я приподнялась

и плавно опустилась на него. Чувствуя, как он заполняет меня собой, растягивая, даря томительное наслаждение первого проникновения, острое и ни с чем не сравнимое.

И каждое движение только добавляло ощущений в этот бесконечный чувственный коктейль, сплавляя нас воедино и размыкая, как электрические контакты. Его ладони, скользящие по моей спине и ягодицам, повторяющие линию позвоночника и углы лопаток, словно играли на мне, как на каком-то диковинном музыкальном инструменте, настраивая для особой тонкости звучания.

Нашего общего звучания.

Которое было и громким, и тихим, и молчаливым, и идущим на выдохе из самой глубины меня и его. И миг, когда наслаждение стало невыносимым, а следом и общим, и пульсация, и сладкие волны настолько затянули нас друг в друга, что вспышки перед глазами и в самом низу живота, заставлявшие кричать, ощущались, как наши общие.

В себя я пришла, лежа на его груди на диване, понимая, что проклятие Ленор снято. Этот мир снова стянулся до нас двоих, и нами же раскрылся. И это было прекрасно.

Глава 7

— Какого именно дня зимы Отторган Великий стал первым тэрн-архом Даррании?

— Двести восьмого, — без запинки ответила я. — Должен был стать двести седьмого, но у его дочери, тэрн-ари Лации внезапно начались роды, и тэрн-арх перенес коронацию на день, чтобы присутствовать при рождении внука. Родилась внучка, и, так как тогда еще не умели определять пол ребенка магически...

— Хорошо, хорошо, — ворчливо произнес магистр Ол-лихард. — Что стало причиной размолвки первого тэрн-арха с его семьей?

Вообще-то в программу это не входило, но я подготовилась. Я готовилась по всем фронтам, памятуя о том, как магистры относятся к девушкам с темной магией и браслетами Валентайна Альгора. Правда, сейчас все изменилось к лучшему. То ли благодаря тому, что стала известна правда о моих родителях, то ли благодаря тому, что после случившегося с Лэйтором все действительно осознали, насколько им нужен Валентайн.

Как бы там ни было, первые магические экзамены, за которые я так переживала, проходили для меня на фоне всего остального как обычные. Я просто приходила и сдавала, и не случилось ничего из ряда вон: по сути, все было очень похо-

же на экзамены в нашем мире, только с магией. А поскольку я предпочла сосредоточиться именно на учебе, чтобы не циклиться на Ленор хотя бы во время сессии, все и получалось очень легко. Магистры даже не сильно гоняли меня, хотя я предполагала, что благодаря моей темной магии мне могут и баллы занижать, и все такое. Нет.

Разве что вот магистр Оллихард отличился, но для него у меня тоже были ответы.

— Причиной размолвки первого тэрн-арха Даррании с его семьей стала Эттиана Эзалийская. Будучи примерным семьянином, он увлекся драконессой, младшей дочерью своего советника, как и она им. Эттиана стала его любовницей, а впоследствии и фавориткой, на попытки семьи от нее отречься Оттарган отреагировал очень жестко, и родители мгновенно приняли драконессу обратно под крыло семьи. Стоит отметить, что со временем и семья Оттаргана приняла этот факт, и даже его жена смирилась с тем, что у супруга появилась Эттиана. Впоследствии она заняла место своего отца рядом с ним и помогла в проведении очень важных для Даррании реформ, которые помогли укрепить раздвинувшиеся во время правления Оттаргана границы с Мертвыми землями. В частности, это была армейская реформа. Для первого тэрн-арха Эттиана была очень важна, и в день ее смерти он приказал спустить все флаги. Также при нем началось строительство Эзалийской набережной, но до завершения строительства первый тэрн-арх уже не дожил. Он завещал упоко-

ить его магический прах рядом с возлюбленной, и, что примечательно, в день его смерти тоже шел сильный снег, как и в день его коронации. Говорили, что в тот первый день Тамея рыдала от счастья, а сейчас плачет от горя, и слезы ее превращаются в снег.

— Дайте вашу виритту, — почему-то недовольно произнес магистр Оллихард, и я протянула руку с браслетом, искренне радуясь тому, что последний экзамен сдан.

Последний! Экзамен! Сдан!

Ур-ра-а-а-а... А-а-а...

Моя радость поутихла, когда я увидела, что наковырял этот вредный магистр своим магпером.

Четверку! В смысле, по-нашему «хорошо», а здесь это была такая светящаяся кракозябрина с палочками... в общем, неважно.

— За что?! — возмутилась я.

— Вы назвали Темные земли Мертвыми землями, адепт-ка.

Что?!

— Но ведь их называют и так, и так!

— Адептам настоятельно рекомендуется называть их Темными. И я вам об этом рассказывал! Это дань уважения к Даррании и к светлой магии! — Магистр торжествующе посмотрел на меня.

Что я там говорила про непредвзятость?

Сглазила!

— Это не считается ошибкой, — сказала я.

— Хотите поспорить? Или хотите на пересдачу? — прищурился Оллихард.

На пересдачу я точно не хотела. Хотела уже отдыхать! Поэтому только покачала головой.

— Вот и отлично. В таком случае вы свободны, адептка. — Магистр повернулся к притихшей аудитории. — Кто готов следующий?

Я же встала, не забыв пнуть магистра под задницу. Мысленно, разумеется. После чего вышла из аудитории, где меня уже дожидалась Соня. Ей он, кстати, поставил высший балл практически сразу, она даже толком сказать ничего не успела. А еще Соня всегда ходила первой, для нее это было важно. Потом быстро вылезли Клава с Аникатией, которых уже и след простыл, чудом не сбив попытавшуюся встать меня, побежала к магистру Лика, с таким рвением, будто там выдавали новый приятный характер.

В результате я сдавала пятой, и на мне у магистра Оллихарда, видимо, закончились высшие баллы.

— Отстрелялась? — радостно спросила Соня.

— Угу. На четверочку.

— Почему?!

— Потому что у меня темная магия, — буркнула я. — А еще я назвала Темные земли Мертвыми и оскорбила Даррацию и одного долбанутого магистра в том числе.

— Забей, — неожиданно сказала Соня, и я приподняла

брови. Потому что раньше она точно предложила бы мне оспорить, но, видимо, не сегодня. Да и если честно, мне ничего оспаривать не хотелось, мне от его оценки не горячо и не холодно. Историю я от этого хуже знать не стану, на улицу меня Валентайн не выгонит и даже в угол не поставит. Хотя в углу было бы прикольно, наверное... особенно если бы потом меня еще и выпороли.

Сначала ко мне пришла мысль. Потом я ее осознала. Потом осознала, что у меня полыхают щеки, а дальше — еще и низ живота. Поперхнувшись такими осознаниями, я закашлялась, а Соня похлопала меня по спине.

— Меня отмечать позвали, — сказала она. — Клава. Помириться хочет.

Конечно, хочет. Соня ж теперь будущая жена Сезара.

— Но я ее послала. Так что пойдем отмечать с тобой. Можем еще Макса с Ярдом позвать, ты как?

— Я за, — радостно отозвалась я.

Стараясь не думать о том, что только что пришло мне в голову. И о том, как на эту мысль отозвалось мое тело.

— А почему меня не позвали? — обиженно спросила Алина, заглянувшая в гостиную. Мы там сидели вчетвером: я, Соня, Ярм и Макс, обсуждали первую успешную сдачу экзаменов (правда, с Ярмом магистр Оллихард тоже вызверился и поставил ему местную тройку).

— Ничего, я его виритту смену пола запущу, — зловредно

пообещал друг.

Потому что помимо нелюбви к темной магии, магистр Ол-лихард был еще и жутким шовинистом, и я мысленно смеялась до слез, представив, как изумится этот вредный старикан, когда вместо седовласого и почтенного виритта утром увидит у себя юную виритту, которая споет ему фривольную песенку.

Словом, мы отмечали и обсуждали всякие такие тонкости, когда появилась Алина, и сразу все затихло.

— Мы отмечаем сдачу экзаменов, — заметила Соня. — Поэтому и не позвали. У тебя еще все впереди.

Насколько я поняла, с сестрой Софии она отношения не наладила, потому что ее голос прозвучал крайне сухо. Но тут за Алину вступился Макс:

— Так я тоже еще ничего не сдал. Но меня же вы позвали. Я за то, чтобы она к нам присоединилась.

Алина просияла. В отличие от Сони-Софии, она была светловолосая, с пухлыми губами (натуральными, ибо здесь моду на гилаурон никто не вводил по причине отсутствия Анджелины Джоли). При этом сама Алина чем-то неуловимо напоминала Скарлетт Йохансен в молодости: такая же чувственная, женственная и зеленоглазая. Она не стала дожидаться вердикта остальных, просочилась в гостиную и усе-лась на диван между Ярдом и Максом, из-за чего парням пришлось «раздвинуться» в разные стороны.

— Значит, вы сдали экзамены! Поздравляю, — произнес-

ла она и тут же переключилась на Макса: — Я так рада, что с твоих родителей сняли все обвинения! И вся эта история с Хитаром... это было ужасно! Не представляю, что бы я делала на твоём месте. Но сейчас, к счастью, все разрешилось.

Соня закатила глаза, и я вопросительно посмотрела на нее. Но она не успела вообще ничего сказать, потому что теперь уже Макс распустил хвост и, оперевшись на подлокотник, мигом включил обаяние а-ля Люциан Драгон на максимум.

— Да, мы с Ленор огребли по полной. Но, к счастью, со всем можно справиться, и теперь доброе имя нашей семьи восстановлено.

Алина бросила на меня взгляд, которым могла бы наградить итальянский стул на заказ: м-да, прикольно, но пофиг — и снова переключилась на моего брата.

— Что собираешься делать дальше? Я имею в виду, после поступления в Академию?

— Поедем на Эллейские острова. С ним, — Макс кивнул.

— Ох, как интересно, — Алина недовольно глянула на попивающего джмерг Ярда, который закашлялся. А, судя по ее взгляду, должен был вообще упасть замертво, чтобы на острова Макс поехал с Алиной, а не с ним.

Кажется, я начинала понимать Соню, которая и перебила сестринское:

— Там наверное так красиво...

Словами:

— Хотите еще бьянкада?

Так назывался местный не то фреш, не то лимонад, а как по мне, нечто среднее между первым и вторым из того самого фрукта, который был единственным живым на столе Макса. Вспомнив об этом, я посмотрела на брата:

— Ты прислугу нанял уже?

Он фыркнул:

— Тирина вернулась.

— И все?

— Мне хватит, она пока справляется.

Я вздохнула, а Ярда, собиравшегося было ответить на вопрос Сони:

— Да, можно еще...

Перебила Алина:

— Нет, не думаю, что нам нужен бьянкад. И вообще, что вы как дети! — Она окинула насмешливым взглядом столик, на котором стояли угощения. Пиццу здесь было не заказать, по причине того, что ее не делали, роллы, воки и прочий фастфуд в Даррании тоже не водился, поэтому готовил для нашего сборища личный повар Драконовых. Надо сказать, постарался он на славу, лично я объелась самыми разными вкусными закусками. Алина же смотрела на это все так, будто и впрямь попала в детский сад.

— Что ты предлагаешь? — оживился Макс.

— Сходить туда, где все по-взрослому, — разумеется. — В ресторан!

— Алина! — рывкнула Соня.

— А я согласен, — мигом подскочил Макс. — Что это за праздник? Вы, в конце концов, экзамены сдали. Давайте сейчас...

— Во-первых, — Соня сложила руки на груди, — всех наш праздник устраивал, пока не появилась она. А во-вторых, в любом ресторане нужно заранее заказывать стол, и, Алина, выданной тебе отцом на неделю магии хватит, чтобы отпраздновать там?

Рестораны в Даррании и впрямь были дорогим удовольствием. А еще редким: в таком количестве, как в нашем мире, их не было, от силы четыре на весь Хэвенсград! При этом даже самый простой стоил на уровне элитных мишленовских в нашем мире, поэтому вопрос был очень закономерный.

— Я плачу! — мигом вмешался Макс.

Алина посмотрела на него, как Дарси на Тора. Что касается Сони, она покачала головой:

— Лично я не хочу ни в какой ресторан. Меня все устраивает. Но ты всегда можешь сходить туда одна, Алина.

— Сходим вдвоем? — предложил мой брат. — На следующей неделе?

Алина ахнула и показательно приложила руки к щекам.

— Да! Да, конечно, — она вспорхнула с дивана. — Ладно, я не буду вам больше мешать.

— Я тебе напишу! — крикнул Макс, когда она уже была у дверей.

В ответ девушка обернулась и послала ему воздушный поцелуй.

Меня слегка перекосило, потому что... да потому что это был явный развод на поход в ресторан, и в целом выглядело все так, что Алина счастлива будет приклеиться к Макс, потому что у него теперь большое наследство и очень громкая история. Теперь у меня вообще создавалось ощущение, что она появилась здесь исключительно ради него, чтобы получить фору перед всеми остальными девчонками в Академии. Вслух я этого не сказала, потому что при друзьях заводить эту тему было стремно. Зато напомнила:

— Тебе на следующей неделе к экзаменам надо готовиться.

— Ой, да подготовлюсь, — отмахнулся Макс. — Буду знать, что к этому вашему старикашке надо подходить с осторожностью.

Я вздохнула. Соня фыркнула:

— Ты, главное Темные земли Мертвыми не называй.

— Это я запомню.

Я перевела взгляд на Соню. Теперь, когда экзамены остались за спиной, ближайшим испытанием для нее станет подготовка к свадьбе. Хотя почему испытанием? Возможно, Люциан прав, и Сезар для нее очень дорог. Даже скорее всего очень дорог, иначе бы она ни за что на такое не согласилась. Поскольку по нашей договоренности мы больше этой темы не касались, я даже не знала, готово ли у нее платье, и все

такое. А ведь до свадьбы осталось меньше двух недель!

Меня же после ее свадьбы ждало еще и рассмотрение моего дела по поводу летающих от темной магии адептов-драконов. Да и в целом много всего веселого. Знакомство Валентайна с Ленор, например. Вот уж чего мне меньше всего хотелось, но увы. Отправлять Валентайна в Загранье из-за собственных мелочных страхов было, по меньшей мере, эгоистично, поэтому я готова была к сеансу их общения. Ну как готова, почти. Перед этим мне предстоял еще один обстоятельный разговор с Ленор.

Что же касается Сони...

— Так я не поняла, бьянкад просить принести или нет? — столкнувшись с моим внимательным взглядом, Соня быстро перебила мои мысли.

— Нести! — хором сообщили Макс и Ярд, и она прикоснулась к артефакту вызова прислуги.

В очередной раз напомнив мне о том, что все происходящее с этой свадьбой выглядит ну очень странно.

Несколько дней спустя

Люциан Драгон

— Долго еще будешь отдыхать, Златовласка?

Под дружный хохот звон в ушах проходил побыстрее. Но все равно не так быстро, как хотелось бы: отдачей от выстроенного щита приложило знатно. Не будь стольких прогонов и тренировок на военном факультете, наверное, вообще от-

правило бы в отключку, но вместе с разочарованием и раздражением пришла еще и здоровая злость. Азарт.

В гарнизоне к нему отнеслись настороженно, особенно по первой. Поначалу сторонились, избегали. Потом, когда поняли, что прикрываться отцом Люциан не намерен, осмелели. Такие вот тренировки проходили обычно сразу после утренних построений, перед завтраком. Чтобы не расслаблялись: ни калварены, ни тем более те, кто рангом попроще.

На месте выяснилось, что сил и умения создавать боевые и защитные заклинания для отработки просто-напросто маловато. Ни одна сила не сравнится с грамотно выстроенной стратегией, а стратегии у служивших не первый год всяко было побольше, поэтому на землю Люциан летал с завидной регулярностью. Но, надо отдать гарнизону должное, он здесь за короткое время научился тому, чему не научился в Академии за полгода.

Правда, пока все равно недостаточно.

Поднявшись, он сбросил мундир, чувствуя, как разогревается кровь. Здесь, в непосредственной близости от Темных земель, она всегда стыла, как будто граница была лишь видимостью, а тьма, сочащаяся от выцветающего на глазах пейзажа, впитывалась в кожу и кровь, отравляя ее собой.

Тем не менее сейчас ему стало жарко, и подобный жест тут же снова встретили хохотом. Амир и его дружки, в отличие от остальных, его сразу же невзлюбили. Драх его знает почему, эти с первого дня начали к нему цепляться и не

упускали случая выставить его идиотом. Пару раз посидев в карцере за то, что становился зачинщиком драки, Люциан понял, что их проще не замечать. По крайней мере, пока он не узнает все их слабые стороны. За их противостоянием следили все, и кальварены, зная об этом, старались не ставить их в магические спарринги или даже на общие тренировки в одну группу.

Все, кроме одного. Кальварен Михт считал, что противостояние в реальной жизни создает наилучшие условия для имитации реального боя. Чем Амир с удовольствием пользовался. Вот и сейчас не преминул заявить:

— Что, жарко стало? Златовласка, тебе себя поберечь надо. Ты же у нас нежный дракончик. Смотри, замерзнешь, потом чихать будешь.

— Чихать я хотел на тебя, — сообщил Люциан, разминая пальцы. Для построения боевых плетений требовались не только схемы, но и мобильность кисти. — А тебя с какой радости на нежности с утра потянуло? И так чуть все ладони не стер ночью.

Теперь гроыхнули все, кроме Амировых дружков, но тут же замолкли. Вытянулись по струнке под вопль кальварена:

— Лэард Сайтанхорд! Адорр Драгон! Вы уверены, что вам в гарнизоне, а не в модных домах место? Развели тут девичьи свиристелки! Продолжаем, или я лично вами займусь.

Побагровевший Амир тоже вытянулся по струнке, хотя в его глазах горело желание убивать. Люциан же давно не чув-

ствовал себя настолько бодрым и полным сил. Даже несмотря на то, что магическая отдача — неприятная штука, на таких вот ошибках понимаешь, когда и где допустил прокол. Поэтому сейчас, выстраивая щит, он вплеп в закливание гибкую структуру.

— Лэард Сайтанхорд! Атака!

На этот раз Амир ударил тройным боевым: напрямую, по заранее рассчитанной траектории, и финальным под ноги. Прямой щит от разрозненных энергий опять просто лопнул бы, отразив нападение, но заодно шибанув и по нему самому, а гибкость позволила на ходу среагировать и перестроить точки усиленных плетений. Первые две атаки щит подтянул, перенаправив в землю, а с третьей... ну, Люциан намеренно не стал делать защиту жесткой, и поле, перехватив магию, срикошетило ей прямо в Амира. Лэард попытался выстроить свой щит, но недостаточно быстро — тот не успел набрать силу и стать жестким, и дракон улетел прямо в лужу, проехавшись по скользкой после дождя земле.

— На сегодня достаточно, — почему-то недовольно произнес кальварен.

Они были последними в спарринге, и Люциан отвернулся. Зря.

От Амира ему прилетело боевым заклинанием в спину, которое он почувствовал, но защита, которую успел создать, оказалась тонкой, как пленка. Она не позволила пробить мундир или нанести рану, а вот на землю швырнула с такой

силой, что Люциан едва успел выставить ладони вперед, чтобы не вспахать ее носом и не приобрести экзотическую горбинку.

По рядам пронеслось недовольное ворчание:

— Он же в спину бил, — которое кальварен пресек резким:

— На поле боя тоже нить противнику будете, что он нечестно сражается? — После чего развернулся и покинул полигон раньше, чем кто-то успел что-то сказать.

Мысленно выругавшись, Люциан потрянул запястьями: они приняли вес тела и сейчас ныли, вряд ли после такого он смог бы достойно продолжать сражение в моменте. Исцеление исцелением, но на него нужно время, мгновения, которых может не быть. Ошибка на ошибке. Драхство!

— Мы почти все так начинали. — Увидев перед своим носом ладонь, Люциан поднял голову. Стоявший рядом адорр улыбался, и он почему-то не стал отталкивать руку. Принял и поднялся.

— Вы не учились на военном, — сказал хмуро. Ладони саднили.

— Ну да, — совершенно не смутившись ответил парень, который помог ему подняться. — Но мы учились на боевых. Там, правда, совершенно другая подготовка, уж точно не такая, как в академии Драконова на военке — из нее сразу в кальварены или хотя бы в лэарды. Но ты, если не ошибаюсь, тоже его не закончил. Так что все в порядке. Научишься.

Не закончил — это слабо сказано. Сбежал с первого же курса. Из-за девчонки.

Первые дни, особенно после отсидок в карцере, после первых неудач и всеобщего безразличия (здесь он был просто адорром, а не тэрн-аром) невыносимо хотелось сбежать обратно. Но Люциан остался. Остался, и с каждым днем убеждался в том, что он все правильно сделал.

Тому, чему учат здесь — не научат нигде.

А еще он увидел самую суть темной магии. В Хэвенсгарде, тем более при дворе о таком не говорят: граница, разделяющая Дарранию и Темные земли, считается нерушимым оплотом. Люциану всегда представлялось, что здесь ничего необычного не увидишь. Не почувствуешь.

Ха.

Не просто так гарнизон поставили именно здесь. Именно на этом самом месте. Он видел бродящих у леса тварей, зыбких, расплывчатых, но смертоносных. Чувствовал, как от самой земли исходит иное течение магии — противоестественное и пугающее, здесь Смерть и Тьма были как никогда сильны. За этими лесами начинались владения и земли темных, здесь граница ближе всего подходила к их замкам, владениям, к самой их сути.

Глядя на это, Люциан чувствовал глухое раздражение, временами — невыносимую накатывающую тоску, способную вытянуть все жизненные силы и желание что-то делать. Не раз и не два он слышал разговоры, что это обычное де-

ло в этих местах. Здесь какая-то особо тонкая грань между светом и тьмой.

Возможно, именно поэтому за гарнизоном располагался только военный городок, а ближайшее поселение — далеко-далеко отсюда. Пожалуй, единственным столь же близким к темным городом, населенным не военными, а простыми жителями, был Харонсвилл.

Вернувшись из собственных мыслей, он обнаружил, что парень все еще смотрит на него, мотнул головой.

— Прости. Задумался.

— Да ладно, — рассмеялся тот. — Когда ты только появился, я думал, ты вообще разговаривать ни с кем не будешь.

Люциан приподнял брови:

— Потому что я тэрн-ар?

— Потому что ты это ты. У тебя такое выражение на лице было... — Он скривился, умудрившись задрать бровь, приподнять уголок губ и при этом раздуть ноздри.

— Иди ты, — Люциан невольно улыбнулся.

— Да точно. Мы еще обсуждали, ты слизарей наелся или родился таким.

— Больше не обсуждаете?

— Нет, — адорр покачал головой. — Больше нет.

— Это радует. — Люциан кивнул в сторону стен гарнизона. — Пойдем. Завтрак сам себя не сожрет.

— Зато его сожрут другие, если задержимся.

— И я о чем.

Они вместе направились к каменной дорожке, уводящей от полигона к главному корпусу. Массивные стены, каменные, возносящиеся ввысь, были усилены артефактами, в случае попыток прорыва границы они активировали защиту, которая могла помочь продержаться до прибытия регулярной армии.

— Здесь самое гиблое место, ты знаешь? — поинтересовался парень. Невысокий и светловолосый, он едва доставал Люциану до плеча, но в ширине его плеч чувствовалась сила. А еще в веселом, открытом взгляде, столь нехарактерном для гарнизона. На него будто эта вся тьма не действовала, и Лена была такой же. Темная магия, которой она обладала, не делала ее темнее. Словно внутри нее был какой-то магический свет, погасить который не способен никто.

— Да, слышал, — коротко отозвался он.

— Тебя отец сюда отправил, да? Из-за того, что отказался жениться на Анадоррской?

М-да. Гарнизон гарнизоном, а слухи как при дворе, гуляют толпами.

— Ты прости, если лезу не в свое дело. Просто очень уж загадочное это твое появление.

— Я сам так решил, — коротко отозвался Люциан.

— Сам? То есть не по назначению, а вообще сам?

— Сам, — простота парня подкупала, давно он ни с кем не общался так свободно.

— Удивил, — хмыкнул адорр. После чего снова протянул ему руку: — Я Этан, кстати.

— Люциан.

— Да я уж знаю.

Они вместе расхохотались, а потом Люциан глянул на измазанные в земле брюки.

— Переоденусь, — сообщил Этану, — и приду.

— Давай. Я пока место тебе займу за нашим столом.

До казарм Люциан добирался в приподнятом настроении: во-первых, несмотря на подлянку от Амира, он все-таки его сделал. Во-вторых, ему понравилось общаться с Этаном. Общаться на равных, а не из разряда «ты же тэрн-ар». Ну а в-третьих... в-третьих, он вдруг отчетливо понял: никакая тьма не способна погасить свет, который идет из сердца.

Адорр — самое младшее воинское звание в Даррании

Лэард — следующий ранг

Кальварен — следующий

Гритт — самый высокий, старше только Главнокомандующий

Глава 8

Лена

Свадебные колокола пели красиво. Точнее, не колокола, а огромные чаши, выставленные в башенках Собора. Считалось, что вот эти вот огромные емкости созданы для принятия магии и благодати, которыми Тамея щедро одаривает Дарранию и ее жителей. Звон чем-то был похож на колокольный, потому что в чаши во время всяческих церемоний спускались металлические языки, но помимо них, с помощью магии, вокруг чаш еще парили металлические предметы, тоже ударяющие по ним и создающие невероятно прекрасную музыку. Я, как-то никогда не западавшая по колокольному звону в родном Петербурге, здесь просто залипла, пока мы с Валентайном шли по усыпанной цветами бархатной дорожке к центральному входу в собор Тамеи.

На Алой площади снова собралась толпа: все ждали жениха и невесту, особенно волнительным это событие казалось присутствующим, потому что брак Сезара и Сони станет первым смешанным браком в Даррании. Это будоражило умы присутствующих настолько, что я даже не чувствовала враждебных взглядов, которых, признаться честно, еще как ожидала. Но нет. Мы просто шли в числе множества приглашенных, соблюдая положенное традицией расстояние между гостями. Лица людей сияли счастьем и радостью, они сто-

ляли за искрящимися лентами магии, представляющими собой ограждения. Кто-то с букетами, кто-то просто прижимал руки к груди.

Детей отцы сажали на шею, и те сосали леденцы, с любопытством вертелись, чтобы высмотреть все самое интересное. Те, кто пришел без отцов, подпрыгивали, пытаясь пробиться поближе, в первые ряды, дергали матерей за руки. Моя же ладонь слегка дрогнула в руке Валентайна, и он внимательно на меня посмотрел:

— Волнуешься?

— Будоражусь, — ответила я.

Да и как тут не будоражиться. Твоя лучшая подруга выходит замуж за принца-дракона в другом мире. Это даже по отдельности, если убрать принца-дракона и другой мир звучит волнительно, что уж говорить про общее настроение.

К свадьбе мы с Соней готовились вместе. Точнее, как готовились... я просто сидела рядом, когда вокруг Сони бегали портнихи, потому что у нее особо ничего и не спрашивали. Ей сшили целых три свадебных платья: первое — для церемонии, в котором, собственно, она и должна была появиться сейчас. Невероятно, безумно красивое. Второе — для застолья, и третье — для бала и брачной ночи. На самом деле они все были невероятно красивые, но по-разному.

Все остальные приятные хлопоты, которые, несомненно, коснулись бы нас в Петербурге, здесь вообще не касались. Соня просто знала, что она выходит замуж, но ни оформле-

ние, ни праздничные задумки ей вообще не сообщали. С Сезаром она тоже больше не виделась, потому что по местным традициям жениху и невесте полагалось не встречаться до свадьбы, чтобы проверить прочность чувств.

Я была не против такого, потому что Соня как-то быстро собралась замуж. Особенно быстро для той, кто не терпел ни малейшего оскорбления в свою сторону. Ну то есть как... когда я пришла в новую школу после смерти родителей, у Сони уже была лучшая подружка. Какое-то время мы дружили втроем, а потом Ася (видимо, приревновав Соню ко мне) наябедничала на нас учительнице. Рассказала, что Соня дала списать мне домашку. С тех пор с Асей Соня больше не дружила. Я, разумеется, тоже, но факт оставался фактом. Соня с самого детства отстаивала свои личные границы и не подпускала к себе никого, кто хотя бы раз не оправдал ее доверие. Неудивительно, что я все-таки снова пристала к ней с вопросами про Сезара — на последней неделе до свадьбы, и она, вздохнув, все-таки ответила:

— Я согласилась за него выйти, потому что он — меньшее зло, — Соня пожала плечами. — Потому что Драконов не успокоится, пока не выдаст меня, то есть свою Софию, замуж достаточно выгодно. Я знаю, чего ждать от Сезара, и знаю, что случившееся больше никогда не повторится. Зачем мне испытывать судьбу и проверять драконовских кандидатов на профпригодность? Он уже приводил одного Андрэ, и мне не понравилось.

— Вариант не выходить замуж ни за кого ты не рассматривала? — уточнила я. — То есть не совсем, а пока ты не встретишь того, кого полюбишь? И кто полюбит тебя?

— Любовь — это не главное. — Соня передернула плечами.

— Раньше ты так не считала.

Подруга наградила меня таким взглядом, что мне захотелось стать гусеницей и окуклиться.

— Я просто волнуюсь! — воскликнула я.

— Мы с тобой оказались в новых обстоятельствах, Лена. В нашем мире, где мы были обычными студентками и просто одними из многих, можно было позволить себе выбирать кого угодно, или делать что угодно нам. Этот мир диктует свои правила. После случившегося Драконов не мог не потребовать от Фергана удовлетворения, и ты это прекрасно понимаешь. Наш брак — это еще и в каком-то смысле залог благополучия между людьми и драконами, удержание баланса. Поверь мне, я делаю это все по своей воле, и сама за себя решаю. Никто меня не заставляет.

Это звучало достаточно рационально. Очень похоже на Соню. Валентайн тоже говорил, что Сезар не причинит Соне вреда, и я поняла, что мне придется с этим смириться (с их свадьбой) и в это поверить (в то, что Сезар будет сдувать с Сони пылинки).

— Ладно, — буркнула я. — Принято. Но учти, если с твоей головы по его милости упадет хотя бы один волос, я ото-

рву ему то, чем он собирается делать детей, и тебе придется проверять других кандидатов на профпригодность.

— Не упадет, — философски ответила Соня, и больше мы эту тему не поднимали.

Просто ходили на примерки, наслаждались последними ее незамужними днями, и в эти дни я позволяла себе полностью отключаться. От того, что где-то там во мне сидит Ленор (которая так и не появлялась). Я предприняла попытку с ней связаться второй раз, но она не откликнулась, и я попросила у Валентайна отсрочку до свадьбы Сони.

— Я просто хочу немного побыть собой, — произнесла я. — Настоящей собой. Эта свадьба важна для меня чуть ли не больше, чем для самой Сони. Я всегда представляла, как буду помогать ей готовиться, вместе с ней ходить на примерки, помогать выбирать шарики и салфетки.

Шарики и салфетки, мы, правда не выбирали. По понятной причине, но все же проводить эти предсвадебные дни вместе было на удивление светло и уютно. Мы могли часами болтать обо всем — вообще никак со свадьбой не связанном, вспоминать всякие приятные мелочи из детства. Шутить, смеяться, вместе валяться на кровати с едой (чем приводили в ужас горничных Драконова, но нам никто ни слова не говорил), дурачиться и драться подушками.

В такие моменты я и правда забывала о том, что мы в другом мире. Временами выпадала из реальности и переставала думать, что рано или поздно вопрос с Ленор все-таки при-

дется решать. Потому что, какой бы мерзкой она ни была, это и впрямь ее тело. И... мне либо придется его уступить, либо... что?

Я не хотела спрашивать об этом Валентайна. По крайней мере, до Сониной свадьбы.

Я хотела наслаждаться жизнью рядом с лучшей подругой, чувствуя себя собой. Только собой. И я наслаждалась. Вчера вечером меня едва выгнали от нее, и то, я ушла, потому что Соня попросила. По традиции, невеста должна была провести ночь в одиночестве, чтобы проверить себя в последний раз на правильность своего решения и в случае каких-либо сомнений отменить свадьбу.

— Все будет хорошо, — пообещал Валентайн. — Сезар ее любит.

— Любит? — тут же вскинулась я, хотя мы уже поднимались по ступенькам.

Прохладный, просторный зал принял нас в свои объятия светом и красотой. Я так и не побывала в соборе Тамеи раньше, и сейчас ахнула от льющейся сквозь узорные витражи красоты. В лучах солнца искрились пылинки магии, алтарь был украшен цветами, а над ним с благодатной улыбкой возвышалась статуя Тамеи. Раскинув руки, с которых лились бесконечные потоки магии и собирались в металлических чашах. Скамьи для прихожан (а сегодня для гостей) были уже почти заполнены, и, когда мы шли к своим местам, Валентайн еле слышно произнес:

— Черная страсть — обратная сторона любви. Он справится с первым и обретет второе.

Он как-то так глубоко это сказал, что у меня защемило сердце. А в следующий момент мы уже заняли свои места (в первом ряду, рядом с Драконовыми), и я оглянулась. Последние гости вошли следом за нами, тоже устроились на местах. В переполненном зале осталось разве что несколько свободных: не появились Анадоррские, хотя были приглашены. Соня говорила мне об этом, и она же говорила, куда бы она на месте Анадоррских послала приглашающих с таким приглашением.

Тем не менее это был уже не просто отказ. Это была политика и прямой вызов Фергану, чтобы явившиеся на свадьбу драконы не усомнились в дальнейших планах Анадоррских и выбрали свою сторону окончательно.

Остальные драконы, кстати явились.

Все.

Кроме еще одного.

Место Люциана пустовало тоже.

Я глянула на скамью, где должен был сидеть наследно-ненаследный принц, и тут же переключилась на вспышку пространства в двух шагах от нее. Оказывается, место предназначалось не ему одному: из портала вышел...

— Ферган, — пояснил мне Валентайн, когда все гости разом поднялись, и мы вместе с ними. Я бы, наверное, и сама догадалась, потому что у ходячей магической голограм-

мы (человекообразной!) на голове сверкала корона. — Магическая проекция отнимает очень много сил, — тут же добавил мой мужчина, — поэтому обернувшиеся драконы, даже правители, используют ее крайне редко. Сегодня Ферган будет таким весь день, и это сравнимо по ресурсу с самым изматывающим боем.

Я просто моргала, глядя на развернувшегося к нам тэрнарха. Ферган был почти точной копией Люциана, с поправкой на возраст. Ну то есть подозреваю, он мог создать себе какую угодно проекцию, но создал соответствующую драконам своего возраста, и, даже несмотря на это, я все равно не могла проморгаться. Ощущение, что на меня смотрел взрослый Люциан усиливалось с каждой минутой, и от этого становилось не по себе. А Ферган еще почему-то пялился на меня, точнее, на нас с Валентайном. Или на меня? К счастью, невесть откуда появился слуга, который преподнес на подушечке роархан, и Ферган произнес:

— Добро пожаловать, мои дорогие подданные. Сегодня очень важный для меня и для всех нас день: мой старший сын сочетается браком со своей чудесной избранницей.

На словах про избранницу тэрнарх посмотрел на Драконова, и семейство, включая навязчивую сестрицу Софии, доставшуюся Соне в наследство, склонилось в поклоне или присело в реверансе.

— Для меня большая честь породниться со столь знатным родом и стать, как и должно правителю, первым, кто наравне

с сыном поддержит принятый нами совместно закон о смешанных браках.

Сно-о-об.

— Сегодня нас с вами ждет большой праздник, — изрек тэрн-арх. Точнее, роархан его голосом, и развернулся, со всем своим величием опустившись на скамью. Он был в темно-синем, «фирменном» цвете Драгонов, с королевской перевязью, увенчанной массивным знаком отличия тэрн-арха. Ее еще называли печатью дракона, она скрепляла перевязи и предназначалась только для королевской семьи.

Следом за Ферганом опустились все остальные, и, поскольку он, то есть его проекций, единственный прошел порталом, на миг воцарилась звенящая тишина. Чтобы потом укутаться легкой, плывущей по залу музыкой, похожей на органную. Колокола, то есть чаши, затихли за секунду до появления тэрн-арха, и сейчас льющееся в зал звучание было торжественным и возвышенным.

Здесь явно присутствовали виолончель и флейта, и скрипка (местные, здесь они назывались по-другому, хотя были очень похожи), все это усиливала акустика и разносила по залу. Из-за чего особо впечатлительные дамы начали прикладывать к глазам платочки, хотя жених с невестой даже еще не появились. Зато появился проводник Тамеи — так здесь называли священников, в светло-голубой сутане, с головным убором, напоминающим о папе Римском. Митра была золотой со снежными вставками, и все это — в дань пришествию

магии зимой и Тамее.

Кстати, именно благодаря Тамее в соборы и храмы драконам-монархам (только тэрн-архам, не их женам, не принцам и не принцессам) дозволялось приходить порталами. Они считались наместниками Тамеи, владеющими самой большой мощью ее магии, а посему допускались в святая святых прямыми переходами.

Думая об этом, я думала еще и о схожести отца и сына, и о том, что я, возможно, ошиблась. Возможно, скамья изначально предназначалась для Фергана, а Люциана банально не пригласили. Хотя зная Люциана, он мог бы и сам не прийти.

И с чего мне вообще об этом думать?

Двери собора распахнулись, и первым между рядами пошел Сезар. Снова все поднялись, поскольку он был королевской крови, я же вперила в старшего принца пристальный взгляд. Со стороны, наверное, выглядело так, будто я хочу просверлить в нем дыру, на деле же я просто смотрела на того, кто в самом скором времени станет мужем моей лучшей подруги.

Сегодня Сезар был в парадном костюме, темно-синем (ну кто бы сомневался), расшитом богатыми золотыми узорами (и снова дань магии). Девушки сворачивали на него глаза. Подозреваю, могли бы и шеи, но это было неприлично, но я просто видела, как за темноволосым красавцем стелится шлейф женского внимания.

«Причинит боль Соне — убью», — подумалось мне.

А в следующий миг музыка подхватила шагнувшую в сбор подругу.

Сказать, что она была прекрасна — значит, ничего не сказать. Роскошное платье: лиф, плотно облегающий ее фигуру, подчеркивал талию и грудь, облака ткани пышной юбки раскрывались длинным шлейфом. Фату в этом мире не придумали, а вот перчатки на Соне были. Прическа и легкий местный макияж, из украшений — серьги, кольцо и тиара, передающаяся из поколения в поколение для невесты тэрн-ара, знаменующая, что она входит в королевскую семью в этот день.

Здесь не было традиции подружек невесты и шаферов, к алтарю не вели и лепестки не разбрасывали, но это было и не нужно. Соня украшала собой этот зал, собой и своим достоинством. Она словно была рождена, чтобы стать женой принца, и на миг меня просто накрыло нереальностью происходящего. На очень краткий миг, потому что Соня действительно достойна всего самого лучшего, и я искренне надеюсь, что это лучшее для нее будет лучшим.

Наверное, будет.

Да.

Я вдруг увидела, как на нее смотрит Сезар. С такой невыносимой нежностью, с таким восхищением, что даже у меня перехватило дыхание. Именно в этот момент я окончательно поверила словам Валентайна. И тому, что все так, как должно быть.

Соня приблизилась к алтарю, встала напротив Сезара, и священнослужитель, широко улыбнувшись, произнес:

— Светлейшие дети Тамеи! Мы с вами собрались здесь сегодня, чтобы в этот светлый ell'enttryne стать свидетелями того, как рождается светлейший союз между двумя сердцами, наполненными любовью и благословением Дарующей магию. Между Сезаром Драгоном, тэрн-аром, и нэри Софией Драконовой. Да благословит Тамея наш чудесный обряд!

Глава 9

Соня

Если бы Тамея была в курсе, что тут происходит, если бы она вообще существовала, она бы его прокляла. Этот обряд, который должен быть ей же благословлен. Глядя на Сезара, стоявшего напротив нее, Соня испытывала такой невообразимый коктейль чувств, что казалось странным, как она не взрывается, разлетаясь на тысячи мельчайших осколков. Как при этом ей удастся оставаться спокойной, хотя роскошное платье кажется слишком тяжелым, а лиф — жестким. Украшения хочется сорвать и швырнуть на пол, а тиара вообще давит на голову, как терновый венец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.